

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Алексей ПЕХОВ

СТРАЖ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Алексей Юрьевич Пехов
Страж
Серия «Страж», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=315182
Страж: Альфа-книга; Москва; 2010
ISBN 978-5-9922-0591-6*

Аннотация

Там, где со злом не могут справиться князья и клирики, инквизиторы и колдуны, — на помощь зовут воспитанников Братства стражей. Людей с даром, способных видеть незримое и остановить темных сущностей.

Людвиг ван Нормайенн — один из них. Вольный охотник за порождениями тьмы, он путешествует из княжества в княжество, избавляя мир от злобных душ. Его ждет работа везде, где происходят необъяснимые события, жестокий мор и странные, неожиданные смерти.

Содержание

История первая	4
История вторая	79
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Алексей Пехов

Страж

История первая Ведьмин яр

Ворон на ржаном поле не было, что и неудивительно при таком пугале. Будь я мало-мальски разумной вороной – встретив подобную страхолюдину, летел бы до княжества Лезерберг, вопя во всю глотку от ужаса.

Пугало было неприятным.

Недобрым.

Злым.

Оно торчало на палке, затянутое в дырявый солдатский мундир времен князя Георга, в широкополой, надвинутой на глаза соломенной шляпе с растрепанными полями. Голова – мешок, сшитый из рубища и набитый непонятно какой дрянью, казалась одутловатой и непомерно большой. Нарисованная черной краской линия рта – зловещая ухмылочка на все лицо – заставляла задуматься о психическом состоянии пугала.

– Улыбка, что называется, мороз по коже, – отметил Проповедник.

Я не ответил, лишь раздраженно дернул плечом, и он замолчал. Меня больше заинтересовал серп в правой руке страшили. Он был покрыт странным буроватым налетом. Возможно, ржавчина, а может, и нет. Я не настолько любопытен, чтобы проверять. Но, судя по улыбке пугала, не удивлюсь, если где-нибудь в меже лежат чьи-то кости. Кто знает, что делает оно ночью, когда вокруг залитые лунным светом поля и на проселочной дороге появляется одинокий путник?

Я бросил на пугало еще один оценивающий взгляд и сказал:

– Наверное, ты свирепеешь оттого, что изо дня в день приходится стоять в этом забытом богом месте под ветром, дождем и снегом. И надо думать, тебя порядком допекло гонять ворон. Если хочешь, можешь присоединиться к нашей маленькой компании. Не обещаю, что будет интересно, но всяко лучше, чем торчать на ржаном поле.

Услышав мои слова, Проповедник расхохотался и вытер кровь, текущую из проломленного виска:

– Зачем тебе этот страшила, Людвиг?

– Мне так хочется.

Он фыркнул, слишком громко и театрально, поправил окровавленный, давно уже не белый воротничок своей сутаны, но не стал меня убеждать оставить затею, за что я был ему безмерно благодарен.

– Что скажешь? – обратился я к пугалу.

Оно ничем не показало, что слышало меня. Лишь ветер

трепал торчащую из-под соломенной шляпы паклю волос и пригибал ржаные колосья.

– Ну, как знаешь, – равнодушно сказал я ему, поднимая с земли свой дорожный саквояж. – Если надумаешь, догоняй.

Я пошел прочь, и Проповедник пристроился в шаг за мной, напевая «Anima Christi»,¹ на этот раз переложив ее на мотив одной золянской песни. Проповедник у нас еще тот безбожник и богохульник. Такого, как он, даже среди кацеров² Витильского княжества не сыщешь. В былые годы Псы Господни с радостью отволокли бы его на костер, но теперь времена уже не те, и Проповедник частенько глумится над обряженными в черные сутаны братьями по вере. Ему все сходит с рук.

Перед поворотом я оглянулся. Пугало стояло там же, где и раньше.

– Может, ему нравится гонять ворон? – пробормотал мой спутник.

– Не исключаю такой возможности. В любом случае – стоило попытаться.

Проселочная дорога виляла среди неубранных полей и казалась давно заброшенной. Никаких следов. Впрочем, впечатление было обманчивым. Люди здесь появлялись, о чем свидетельствовала хотя бы свежесколоченная изгородь. Мы дошли до перекрестка, где основной тракт вел к Виону, тре-

¹ Душа Христа. Одна из молитв.

² Еретик (*устар.*).

тьему по размеру городу княжества Фирвальден.

В воздухе пахло жарким летом и грозой, собирающейся на востоке. Неугомонные ласточки носились над самой землей, кузнечики стрекотали, как угорелые. В общем, ничего интересного. К сельским пейзажам я равнодушен. И если бы мой конь не захромал и его не пришлось продать какому-то жуликоватому типу, стал бы я рассматривать окрестные пасторали столь придирчиво.

Возле дорожного столба, отмечавшего мили, я остановился, мельком взглянул на сухую фигуру Проповедника, подумал наточить кинжал, но на дороге показался регулярный дилижанс, за что я тут же возблагодарил свою удачу.

Кучер остановил гроыхающую на ухабах карету, я заплатил ему за проезд, радуясь, что до города ехать меньше часа и мои кости не успеют превратиться в порошок от тряски. Я забрался в экипаж, сел на едко пахнущее кожей сиденье, поприветствовав пассажиров. Их было всего трое, так что внутри оказалось просторно. Проповедник куда-то делся. Или поехал вместе с кучером, или решил прогуляться пешком. Я не беспокоился о нем. Вот уж кто-кто, а этот зануда от меня никуда не денется, проверено опытным путем.

Я сунул саквояж под сиденье, запихнув его ногой поглубже. Сидевшая рядом со мной пожилая дама крайне кислой наружности и в черном чепце подарила мне не слишком восхищенный взгляд и сжала черепаховую ручку сумки, словно опасаясь, что ее ограбят. Я мило ей улыбнулся, но должно-

го эффекта не произвел. Для нее я был слишком странным господином, который путешествует пешком по проселочным дорогам.

Напротив меня вольготно расположился молодой человек в черном бархатном берете с вышитой эмблемой Савранского университета, заведения уважаемого и престижного. Судя по всему, господин студент возвращался в родные края на каникулы. Глаза у него были проворными, так что он почти сразу же заметил кинжал, показавший рукоять из-под моей расстегнутой вельветовой куртки. Безошибочно определив род моей деятельности, он нахмурился, и следующие двадцать минут я находился под расстрелом его взгляда, полного праведного молчаливого возмущения.

Мне было ровным счетом все равно, и его назойливое внимание меня ничуть не раздражало. Наконец студент прокашлялся и сказал запальчиво:

– Таким, как вы, не место в свободном княжестве!

– Спасибо за информацию, – вежливо поблагодарил я его, поглядывая на третьего пассажира.

Кажется, он улыбался, во всяком случае, глаза у него были веселые.

– Я презираю вашу работу!

Вот ведь повезло оказаться рядом с наслушавшимся прогрессивных вольнодумцев дураком. Другой бы на моем месте уже выбросил юного борца за справедливость из дилижанса, но я как человек миролюбивый лишь пожал плечами:

– Поэтому, чтобы вас не раздражать, я не стану ее делать прямо сейчас.

Он нахмурился, не понимая, и я спросил:

– Как вы считаете, сколько в дилижансе пассажиров?

– Разумеется, нас только двое!

Сосед студента, действительно, веселился. Плечи его тряслись от смеха.

– Спешу вас огорчить, молодой человек. Нас здесь четверо.

Он посмотрел на меня, как на сумасшедшего – с большой опаской, словно я вот-вот на него кинусь, но я как ни в чем не бывало продолжил, ткнув пальцем в даму в чепце:

– Здесь едет женщина. Судя по одежде, едет уже не первый год.

Она посмотрела на меня с обидой и отвернулась к окну, произнеся губами какое-то ругательство.

– А рядом с вами сидит очень интересный персонаж. Как я понимаю, военный. Во всяком случае, на нем порядком испачканный мундир артиллериста княжества Лезерберг с нашивками уорэнт-офицера второго класса. Помните тот трехлетний конфликт, когда Фирвальдену показалось, что ущемляют его территориальную целостность? Кажется, парень оттуда. Пулей ему оторвало нижнюю челюсть, так что зрелище, я бы сказал, не очень аппетитное. В данный момент этот бравый вояка дышит вам в ухо, а кровь из его раны капает вам на плечо.

Студент дернулся, машинально посмотрел на свою чистую одежду, хотел что-то мне сказать, но, увидев по глазам, что я не лгу и не смеюсь над ним, побледнел.

– Вы шутите? – прохрипел он осипшим голосом.

– С такими вещами я никогда не шучу, уж можете мне поверить.

Он почувствовал себя очень неуютно со мной. Стал бросать взгляды на пустые сиденья, пытаясь увидеть то, что ему видеть не суждено.

– И вы... не собираетесь ничего делать? – нервно спросил студент.

– Нет. Не собираюсь. Во-первых, у меня выходной. Во-вторых, вы этого не одобряете.

Было еще и «в-третьих» – не все души опасны для человека. Далеко не все. А я не убиваю тех, кто просто хочет жить. Даже если их жизнь мало чем похожа на человеческую. Но я не стал говорить об этом вслух. Идеальный молодой человек совершенно не заслуживал подобных откровений.

Он сидел, напрягшись, косил глазами по сторонам, облизывал языком пересохшие губы. Несколько раз студент почти убедил себя в том, что я лгу ему, но первобытный страх перед неведомым оказался сильнее. Он заколотил по стенке дилижанса, заставив кучера остановить его, и с круглыми от страха глазами вывалился на улицу.

Что характерно, даже не попрощавшись. Вместе с ним покинул карету и уорэнт-офицер. Его вся эта ситуация раз-

влекла.

– Зачем вы так с бедным мальчиком? – не выдержала дама, когда дилижанс набрал скорость, и я стал подпрыгивать на сиденье.

– Бедный мальчик любит судить людей и презирать то, чего он не слишком понимает. Пусть ему будет это уроком.

Она покачала начинающей сесть головой:

– Это очень жестоко.

– Отнюдь. Жестоко было бы сказать, что за ним сошел еще один пассажир.

– Зря вы едете в Вион, – вдруг сказала она.

– Я должен о чем-то знать? – резко спросил я, поворачиваясь к ней.

Женщина не ответила, и всю оставшуюся дорогу мы провели в молчании. Когда дилижанс остановился на центральной городской площади, аккуратно напротив ратуши, я вышел на улицу.

Гроза приближалась. Я чувствовал это. Не пройдет и часа, как она меня нагонит, накроет город.

Стихийный овощной рынок возле начала узкой улицы, ступеньками поднимающейся на парковые террасы, спешно закрывался. Продавцы собирали прилавки, убрали товар в корзины, грузили на телеги. Городские законы позволяли торговать приезжим в пределах стен лишь до трех часов дня. Звонница собора Святого Николая – серо-черной громадины, возвышающейся над Вионом, – как раз призывала на но-

ну.³ Двое стражников с арбалетами и при пистолетах за поясами, обязанные следить за тем, чтобы закон соблюдался, то и дело посматривали на пока еще ясное небо, а не на торговцев.

Я покачался на каблуках, думая, что делать дальше. Заклучив, что неплохо бы для начала оставить вещи, а затем заняться делом, направился по Глотской, подальше от южных ворот, через которые приехал. Я знал отличный постоянный двор всего лишь в пяти минутах от центра.

Дома в Вионе были большими, светлыми, покрытыми ярко-красной шестиугольной черепицей, придававшей им немного сказочный вид. Мне нравилось здесь бывать гораздо больше, чем в столице княжества, где растянутый вдоль озерных берегов город походил на какую-то жалкую лягушку, которую переехало тележное колесо. Фирвальден – огромное княжество, затерявшееся среди дремучих лесов и бескрайних полей, – место много лучшее, чем думают его жители. И душ здесь встречается гораздо меньше, чем в других областях.

За всю дорогу до постоянного двора я увидел лишь одну – бледный мальчишка лет десяти, раскинув руки, бродил по коньку крыши пекарни. Заметив мой взгляд, он помахал рукой. Я, сам не знаю почему, улыбнулся.

Проповедник появился внезапно, как это обычно и бывает, вытер кровь, стекающую по щеке.

³ *Нона* (девятый час) – молитва, читаемая приблизительно в три часа дня.

– Жители напуганы, – сказал он мне, наблюдая за прохожими.

– Я уже заметил.

В воздухе пахло едва сдерживаемым страхом, и этот запах, едкий, словно лошадиный пот, и опасный, как бешеный волк, постепенно захватывал мысли горожан.

Владельцем постоянного двора оказалась женщина. Она без проблем нашла мне комнату в мансарде, под самой крышей, где из высоких треугольных окон прекрасно было видно улицу, соседние дома с ажурными занавесками за стеклами и множеством цветочных горшков на подоконниках. Все цветы были яркими, веселыми и милыми, но из-за витавшего в городе страха казались попавшими сюда из какого-то другого мира.

Я бросил саквояж на стол, открыл его, задумчиво посмотрел на содержимое.

– Как думаешь, что здесь происходит? – Проповедник расположился на стуле.

Я глянул на его желтоватое, покрытое морщинами лицо.

Вместе мы уже девять лет. Я нашел душу под Мальмом, когда наемники его величества Александра-Августа сожгли несколько деревень. Проповеднику не повезло. Какой-то урод раздробил ему висок ударом рукоятки палаша.

– Скоро узнаю. Пойдешь со мной?

– Не хочу, – мотнул он головой.

Ну и отлично. Во всяком случае, хоть немного отдохну от его назойливого общества.

Во дворе стало заметно, что небо сильно потемнело. Ветер, налетевший на город, бился лбом в изящные флюгера, заставляя те крутиться, словно механические волчки.

Гремело почти каждую минуту, улицы опустели, а запах страха стал еще более едким, чем прежде. Разумно было бы спросить, что случилось, у первого же встречного, но по своему опыту я знаю – требуется опросить как минимум десять человек, чтобы хоть один из них рассказал хотя бы половину истины, а не сказки и досужие домыслы.

Так что я решил потерзать свое любопытство еще совсем немного и узнать все от авторитетных людей. Такие, на мой взгляд, должны пребывать в ратуше. Сегодня была пятница, последняя неделя месяца, а значит, в государственном учреждении будут те, кому можно задать нужные вопросы.

Когда я пересекал площадь, начался дождь. Тяжеленные капли с громкими шлепками падали на мостовую, разлетались мелкими брызгами на мои сапоги. Их ленивое падение позволило мне дойти до дверей практически сухим и спрятаться под козырек в тот момент, когда небеса лопнули и столбы воды обрушились на Вион, словно во время великого потопа.

Двое стражников, которых я уже видел возле овощного рынка, удивились моему визиту.

– Куда? – спросил седовласый ветеран с лихо закручен-

ными усами.

Я молча откинул куртку, показывая висящий на поясе кинжал.

– Покази. – Он и бровью не повел.

Я вытащил оружие из ножен, протянул ему. Стражник изучил черное, обоюдоострое, узкое, хищное лезвие, в толще стали которого бушевал целый океан тьмы, посмотрел на рукоять, набалдашник которой был из настоящего звездчатого сапфира, вернул мне.

– Вы очень вовремя. Я провожу.

Он плечом толкнул дверь, придержал ее для меня, провел пустыми, полутемными коридорами на второй этаж.

– Подождите, я скажу, что вы пришли.

Провожатый оставил меня в одиночестве, и я смотрел, как по стеклу текут реки воды, а противоположная сторона площади превращается в серое, размытое пятно. Ну и хорошо. Жара последней недели была порядком утомительна. Особенно если находишься в дороге. Надеюсь, что хоть теперь станет немного прохладнее и рубашки перестанут липнуть к телу.

Дверь распахнулась, и ветеран пригласил меня войти. Сам он остался снаружи.

В большом зале с широченными окнами стоял длинный стол. За ним восседали пятеро мужчин.

Двое были благородными, это видно и по одежде, и по их умурым лицам. Еще один – лысый старик с сильными, креп-

кими руками, судя по муцету,⁴ каноник, член местного соборного капитула. Рядом с ним – тучный мужчина с эмблемой торговой гильдии на парадной ленте, вряд ли уроженец этого княжества, скорее всего, сигизец или илиатец. И последним, во главе стола, восседал широкоплечий господин с густой бородой ржавого цвета и тяжелой парадной цепью мэра на шее. Он сразу взял быка за рога:

– Вы позволите увидеть ваш кинжал, господин..?

– Господин Людвиг. Людвиг ван Нормайенн. – Я вытащил оружие, положил на полированный стол, толкнул его вперед.

Человек с цепью поймал клинок, изучил с разных сторон, взглядом спросил, хотят ли все убедиться в том, что я действительно тот, за кого себя выдаю. Легкие отрицательные покачивания головами были ему ответом. Что же, тем лучше. Кинжал вернулся ко мне, скользя по столу, точно по льду. Я ловко убрал его обратно в ножны.

– Присаживайтесь. Желаете вина?

– Благодарю.

Мэр самолично встал из-за стола, взял кувшин, чистый бокал, налил мне красного терпкого:

– Вы из Альбаланда?

– Верно.

– Довольно далеко от нашего княжества. Что вас привело сюда?

⁴ *Муцет* – длинный жилет серого или черного цвета, обшитый фиолетовым шнуром.

– Интуиция.

Он хмыкнул:

– Тогда нам повезло, что Бог направил вас сюда. Я – господин Отто Майер, мэр Виона. Это члены магистрата, благородные господа Вольфганг Шрейберг и Хайн Хоффман. Каноник Карл Вернер и представитель Лавендузского союза господин Гельмут Подольски. Сегодня в городе случилось немыслимое. На старом кладбище, что возле часовни Святой Маргариты, произошла пляска смерти.

Его тяжелый взгляд уперся в меня, но я лишь осторожно ответил:

– Такое случается. Кто-то пострадал?

– Нет. Но страху натерпелись. Город в ужасе. Многие боятся выходить за пределы стен.

Особого ужаса я не заметил, но мэру виднее.

– Что-то заставило мертвых подняться, господин ван Нормайенн. И городской управе очень бы хотелось, чтобы в Вионе все стало тихо. Как прежде.

На улице грохотал гром. Сухо, с надрывом, словно пушки на поле боя. Я отпил вина, исключительно в порядке вежливости, и поднял взгляд на напряженные лица:

– У вас происходит пляска смерти. На кладбище со святой землей. А что же Псы Господни? Это их работа. Не моя.

– Городской инквизитор сейчас в отъезде. А вы – страж душ.

– Это немного разные вещи, – с сожалением покачал я

головой. – Но я посмотрю, что можно сделать, и попробую вам помочь.

– Замечательно. Город в долгу не останется.

– Нисколько в этом не сомневаюсь.

Еще бы они мне не заплатили, когда скелеты пляшут возле изгороди «Две коробочки» или «Пастуший танец».

– В последнее время в городе происходило еще что-нибудь необычное?

– Необычнее *totentanz*? – невесело усмехнулся Отто Майер. – Не думаю.

– Крысы покинули город, – неожиданно сказал купец Подольски. – На моих торговых складах вот уже две недели ни одной серой твари, а раньше – кишели. И у конкурентов та же история.

– Уже что-то.

Хайн Хоффман, тонкогубый субъект в дорогой одежде, при шпаге и рубиновых пряжках ветерана Лезербергской кампании, перестал изучать свой бокал с вином и произнес:

– Не только крысы ушли, почтенный Подольски. Не только... Душ тоже почти не стало. Вы должны это были заметить, господин ван Нормайенн.

Я помедлил, стараясь скрыть удивление:

– Видящие – большая редкость.

– Я не Видящий. – Он тоже помолчал. – Но вот моя жена обладает толикой такого дара. Конечно, не столь сильного, как у вас, стражей душ, но достаточного, чтобы иногда

замечать тени, которые обитают рядом с живыми. Она мне рассказала об изменениях в городе.

Я сделал себе заметку поговорить с какой-нибудь душой. В первую очередь с Проповедником. Он-то должен был хоть что-то почувствовать. По одному эти события выглядят не так, чтобы важно, но все вместе, одновременно, заставляют задуматься.

Нечто происходит. Нечто непонятное и странное. Я чувствовал, как у меня сосет под ложечкой. Обычное состояние перед тем, как мне на голову рушатся неприятности. Стоило послать всех к черту и отправиться своей дорогой, благо я здесь проездом, но не по-людски это, бросать целый город. К тому же Проповедник мне потом плешь проест. Он, несмотря на свой гнусный характер (из-за которого, кстати говоря, больше не жилец), – добрая душа и моя ходячая совесть, которую крайне тяжело заткнуть.

– Нужен ли вам аванс? – спросил мэр.

– Нет. Я не смогу назвать вам цену, пока не определю, в чем проблема. Когда понадобятся деньги, я сообщу.

– Какая-нибудь помощь?

– Если потребуется, дам знать. – Я встал. – Спасибо за вино. Доброго вечера.

Они попрощались. В глазах троих была надежда. Купец смотрел с сомнением. Каноник мрачно. Он бы предпочел, чтобы с этим разбирались Псы Господни.

Представьте себе, я тоже.

Дождь лил, не переставая, вода текла по сточным канавам, пенилась в них, забирала с собой всю грязь с мостовых. Улицы были пустыми и пахли, несмотря на свежесть, все так же едко и неприятно. Страх никуда не исчез. Лишь спрятался в закоулках, пережидая ненастье. Пока я добрался до постоянного двора, из меня можно было выжать пару морей, и еще останется на несколько больших озер.

Когда я вошел внутрь и колокольчик звенькнул, привлекая внимание хозяйки, я сказал ей:

– Горячей воды, горячего вина, сухих полотенец и какой-нибудь еды. Все принесите в комнату.

Она наконец-то увидела звездчатый сапфир на рукояти кинжала, ее глаза округлились, и женщина разом повеселела:

– Сейчас все будет готово, господин Людвиг.

Вот так всегда. Часть людей боится таких, как я, из-за нашего дара видеть и уничтожать вольные души. Часть ненавидит. Но когда какая-нибудь озверевшая душа начнет вредить живым или еще что-то случается – я сразу становлюсь желанным гостем. Впрочем, чести ради, надо сказать, что большинство разумных людей относится к стражам душ вполне спокойно. В отличие от тех же Псов Господних, мы стараемся приносить как можно меньше проблем.

Оставляя за собой огромные лужи, я вошел в комнату. Здесь кое-что изменилось. Проповедник валялся на моей кровати и слушал, как дождь барабанит по подоконнику. А

за столом сидело Пугало. Оно подняло на меня взгляд, кивнуло и не проронило ни слова. Быть может, не хотело разговаривать. А может, не умело. С одушевленными никогда ни в чем нельзя быть уверенным.

Хозяйка вместе с юной дочкой принесла мне полотенца и воду, конечно же не заметив других своих «постояльцев». Пугало тут же заинтересовалось девчонкой и не спускало с нее взгляда, пока та не ушла.

– Даже не думай, – сказал я ему ровным тоном.

Оно помедлило, опустило плечи, признавая мое право давать ему такие приказания, достало серп и начало очищать его от ржавчины. Я был рад, что мы решили кое-какие вопросы сразу.

Пока я менял одежду, вытирался и приводил себя в порядок, принесли еду.

– Почки, – сказал Проповедник мечтательно. – И фасоль с томатами.

Я отстегнул пояс с тяжелой пряжкой, бросил его вместе с кинжалом на кровать и пересказал им разговор в ратуше.

– Я ничего не чувствую, если ты к этому, – поднял руки в обезоруживающем жесте Проповедник. – Видит Бог уже девять лет, совсем ничего.

Он рассмеялся, довольный собственной, неказистой шуткой, затем стал более серьезным и, размышляя, протянул:

– Все это, конечно, странно, Людвиг, но души могли уйти по множеству причин.

– Угу, – мрачно сказал я, орудуя вилкой и ножом. – Отправиться в паломничество к святым мощам. Куда-нибудь в Дискульте. Не мели чушь. Что-то произошло, и они сочли нужным убраться как можно дальше и быстрее. Город пуст – я чувствую это.

– Ну, не так уж он и пуст. Помнишь того мальчишку на крыше?

– Предлагаешь мне в такую погоду лазать на уровне четвертого этажа?

– Упаси боже, сын мой. Чего доброго, ты свернешь себе шею, и тогда я точно помру со скуки.

Пугало в разговоре не участвовало. Оно точило серп.

К утру гроза закончилась, уползла на запад, уже не в силах даже ворчать. Выглянувшее из-за облаков солнце озарило мокрые алые крыши, приведя в восторг уличных голубей.

Проповедник и Пугало отсутствовали. Я быстро оделся, спустился вниз, отказался от завтрака и поспешил к западным воротам через толчею, которая здесь образовалась из-за субботнего рынка, заполонившего весь городской центр. Запах страха был тут же, но гораздо более слабый, чем вчера. Он сменился тревожным ожиданием. Я видел и слышал, как люди обсуждают произошедшее накануне событие, поминутно крестясь и призывая святых заступников.

Они искренне полагали, будто это защитит их от зла. Не буду преуменьшать силу божественной молитвы, даже если ее читает не клирик, а обычный человек, но у меня большие

сомнения, что подобное средство поможет остановить следующую пляску смерти. Как говорится, раз уж начались танцы, то продолжаться они будут до бесконечности.

С праздничной гулянкой мертвецов в последний раз я встречался в кантоне Люс, когда в одной деревеньке скелеты ни с того ни с сего решили сплясать на Сретение, да еще затащить в свою пляску забаррикадировавшегося в церкви священника. Чем он им насолил, вот уж не знаю, но Псы Господни в два счета уложили «клиентов» в могилы. Сам я в подобном усмирении участия не принимал, хотя и имел необходимый опыт. Веселые скелеты – не моя основная работа. Я страж душ. Ловлю и уничтожаю тех, кто причиняет зло людям.

– Тебе следует расширить список своей охоты, – заявил появившийся рядом Проповедник. – Души – божьи агнцы по сравнению с живыми. Вот уж кто причиняет зло друг другу в неисчислимых количествах.

– Если я иногда позволяю слушать мои мысли, то это не значит, что ты должен каждую из них комментировать.

– Ну, комментарий всяко верный, Людвиг, – усмехнулся он, затем участливо спросил: – Ты завтракал?

– Нет.

– Вот именно поэтому ты поутру такой злой. Идем, тебе следует поесть.

Я заворчал, но зная, что он прав, зашел в неплохой трактир, замеченный мной во время прошлого приезда в Вион.

Здесь готовили отличную яичницу с белыми грибами и сыром. Да и пиво, темный июльский лежак, было выше всяких похвал.

Пока несли еду, Проповедник расправил сутану, на которой и так не было никаких складок, по-птичьи склонил голову набок и, хлопая глазами, начал рассказывать:

– Душ, действительно, немного. Я спозаранку обежал город, за что можешь сказать мне спасибо... – Он сделал паузу.

– Спасибо.

– Но встретил лишь троих. Все пришлые, появились или вчера, или сегодня. Одна, достаточно аппетитная дамочка, если бы ее двести лет назад не переехала телега, даже видела totentanz собственными глазами. В общем, из наших никто ничего не знает. Впрочем, двое, проведая, что здесь страж душ, решили убраться, пока целы.

– Ты явно расписал меня как чудовище.

Проповедник состроил грустную мину, дождался, пока передо мной поставят тарелку, и заметил:

– Тебе прекрасно известно, что некоторые из вас уничтожают каждого, кого увидят. Слишком велик куш, для того чтобы пройти мимо. Ты – большое исключение из правил.

– Если ты думаешь, что заставишь меня краснеть, то глубоко ошибаешься. Тебе случайно не попадался мальчишка?

– Видел. На звоннице. На самой вершине шпиля. И он не планировал спускаться вниз.

– Что мешало тебе подняться наверх? Судя по всему, эта

душа из местных.

– Я боюсь высоты с тех пор, когда был ребенком.

– Ты не можешь умереть, упав сверху.

Он скорчил мину и промолчал. Я понимал, что от некоторых старых привычек нельзя избавиться даже после смерти. Знавал я одну даму, которая при виде мышей падала в обморок, хотя уже лет восемьдесят как была мертва.

– А что Пугало? – Я глотнул пива.

– Ушагало еще до рассвета. Куда – не ведаю. Оно, знаешь ли, не слишком разговорчивое. Лучше б ты пригласил какую-нибудь девицу. Хотя бы глаза радовались.

– Мне нужна была не душа, а одушевленный.

– Кстати, в колокол на соборе Святого Николая вселилась какая-то, прости Господи, паскуда. Кто-то из темных. Очень нехороший.

Я кивнул, отмечая для себя, что надо сказать об этом мэру. А там уж пусть каноник ладаном машет или инквизиция свои фокусы устраивает. Злой одушевленный в соборном колоколе – крайне неприятное соседство. Подобный звон настраивает людей отнюдь не на божественный лад. Скорее наоборот. Горожане становятся жестокими и раздражительными. И начинают болеть. Конечно, не сразу. Для этого должны пройти годы, но чем быстрее избавиться от подобного одушевленного предмета, тем лучше для всех.

– Что мы имеем, – сказал я, вытирая рот салфеткой. – Из города ушли крысы, словно корабль собирается пойти ко

дну.

– Очень образное сравнение, сын мой. Очень образное. Крысы – темные существа, и в них есть частичка души, хотя светлой назвать ее язык не повернется. Когда случаются беды, крысы, наоборот, приходят, но не уходят. Во время чумы сорокалетней давности, говорят, они текли по улицам, словно река.

– Крысы уходят, только если им грозит опасность. Что их могло напугать – вот в чем вопрос.

– Что-то достаточно серьезное, чтобы я начал чувствовать себя неудобно, Людвиг. Раз другие души разъехались, значит, и для нас здесь небезопасно.

– Итого мы имеем бегство крыс, душ и пляску смерти. Великолепный наборчик, ничего не скажешь.

– У тебя хоть какие-то догадки есть? – грустно спросил он.

– Я простой страж, Проповедник, а не теоретик магии или религиозный теолог. С подобным я никогда не сталкивался, и точка. Клянусь моим кинжалом, давно я так не жаждал, чтобы поблизости оказался какой-нибудь инквизитор.

– Все как обычно – инквизитор за порог, черт в дом.

– Не накликай.

– Его уже накликали и без нас, – возразил он мне.

– Людвиг ван Нормайенн?

Мужчина, подошедший к моему столу, был одет как законченный модник. Думаю, его костюм обошелся в целое со-

стояние, на которое я мог бы кутить бесконечно долгое время. Одни алые лакированные башмаки чего стоили! А если говорить о серебряных пуговицах на сюртуке отличнейшего качества и бриллиантовых запонках на рубашке из настоящего саронского шелка... М-да. Этот господин умел привлечь к себе внимание. Моим он завладел безраздельно.

– Не имею чести быть знакомым.

– Называйте меня Александром.

Судя по его холеному лицу и шляпе с пером, за Александром тянулось еще, по меньшей мере, три-четыре имени и длинная родовая фамилия, включающая какой-нибудь титул.

– Могу я присесть?

Я пожал плечами. В последнее время этот жест входит у меня в привычку. Насмотрелся на Проповедника.

Незванный гость легонько стукнул короткой тростью по стулу, где все еще сидел мой невидимый спутник, и холодно спросил:

– Вы позволите?

Когда стул освободился, визитер с удовольствием сел, а я заинтересовался им чуть больше, чем раньше. Человек видит души, и он не страж. Взгляд совсем другой... Да нас не так и много, чтобы позволить себе не знать друг друга. Следовательно, выходит, что он либо от инквизиции, из Видящих (хотя для клирика наряд у него довольно странный), либо из Носителей Чистоты...

Я ошибся. К Носителям – этим сумасшедшим идиотам, которых давно следовало удавить из-за того, что они обожают убивать всех, кто может общаться с душами, считая, что таким образом люди набираются грехов – он тоже не относился.

На серебряном жетоне, порядком затертом и потемневшем, который он протянул мне, были выбиты цифры и фраза «Lex prioria».⁵

– Это, так сказать, чтобы не ходить вокруг да около, – улыбнулся он.

Мне этот господин не понравился сразу, в первую очередь исключительно из-за близко посаженных масленистых глаз. Я ждал подвоха и дождался его.

– Чем я заинтересовал «Lex talionis»?⁶

– Простые формальности.

– Настолько простые, что, судя по номеру на вашем жетоне, со мной ведет беседу один из высших жрецов Ордена Праведности?

Он тонко улыбнулся, и его улыбка говорила, что особых объяснений я не дождусь. Положив трость на стол, мужчина спросил:

– Вы вчера приехали в наш замечательный город?

– Верно.

Думаю, он и так это прекрасно знал.

⁵ Особый закон (лат.).

⁶ Закон возмездия (лат.).

– Позвольте дать вам полезный совет?

Я почему-то подумал, что его совет мне понравится куда меньше самого советчика. Так и случилось.

– Уезжайте из города, господин Людвиг. Сейчас вы здесь совершенно ни к чему. Оставьте это дело Псам Господним. Ваша работа – ловить опасные души. А здесь, кроме этого унылого священника, я уже неделю не видел ни одной.

– У меня возникает вопрос, почему Орден Праведности столь обеспокоен какой-то банальной пляской мертвецов?

Александр рассмеялся, но веселья в его смехе было немного:

– Вы чужеземец. И не слишком хорошо понимаете местные законы. Возможно, у вас, в Альбаланде, все как-то иначе, и рядовой страж может полезть, как это говорят местные, собирать хмель в чужой огород, но мы следим за выполнением закона. А наш закон гласит, что не дело стража заниматься пляской смерти. Это не ваша область. Оставьте ее тем, кто в ней понимает. Инквизитор прибудет завтра.

– А до тех пор вы будете просто сидеть и смотреть, пальцем о палец не ударите?

– Орден надзирает за тем, чтобы стражи не злоупотребляли своей властью и не добивались до дармовой силы. Чтобы Носители Чистоты не покидали своей страны, а если покинули, то не входили в просвещенные города. И чтобы Видящие не чесали языками направо и налево о том, кто иногда живет среди нас. Но мы не занимаемся магией и... скажем

так, странными божественными проявлениями.

Ага. Вот как это теперь называется – божественные проявления. Господь Бог щелкнул пальцами, и скелеты пустились в пляс во славу нашего Иисуса. Притом что подобные танцы на могилах – темные проявления. Стоило бы натравить на Орден церковников. За богохульство. Просто так. В качестве небольшой встряски.

– Слышали великолепный лозунг: «Ne poseas, si juvare non potes»? Не навреди, если не можешь помочь. А в этой истории вы совершенно бессильны. Сделаете только хуже. Так что послушайте мой дружеский совет. Уезжайте. С проблемой справятся и без вас.

– Очень ценю ваше дружеское расположение, господин Александр, – с иронией сказал я. – Но я обожаю Вион и мечтал здесь пожить недельку.

Он усмехнулся, встал из-за стола:

– Что же – живите. Но это дело оставьте.

Я вернул ему усмешку.

Мы друг друга отлично понимали.

– Сколько вы набрали лет жизни, господин Людвиг? – участливо спросил он.

– Боюсь показаться невежливым, но это не ваше дело. – Мой голос стал холоден.

– Разумный человек должен уметь использовать отпущенные ему дни, страж. Иногда, даже накопив большие деньги, ростовщик забывает, что он смертен. Мы ведь понимаем

друг друга?

Очень хотелось воткнуть кинжал ему под подбородок и посмотреть в его глаза, но я лишь счастливо улыбнулся:

– Конечно. Я серьезно подумаю над вашими словами. Мне начинает казаться, что в них есть глубочайший смысл.

– Отрадно видеть разумного человека. Позвольте оплатить ваш завтрак. Всего доброго.

Он бросил на стол несколько монет, довольно крупных для того, чтобы покрыть еще обед и ужин, и ушел, поскрипывая своими чудесными алыми ботинками.

Можно сказать, что я клокотал от ярости. Этот разряженный хлыщ посмел мне угрожать, и это несмотря на то что Орден Праведности имеет право лезть в мои дела, только если я нарушу законы государства и стражей.

От них всегда несло падалью. Законники никогда никому не помогали, считая себя выше этого, словно стояли над всеми нами, людьми со способностями. ...Жрецы из Lex prioria живут и варятся в собственном соку, сидя на деньгах княжеств и королевств. Корольки платят им, потому что боятся таких, как мы, и считают, будто подданные с особым даром, служащие государству за деньги и власть, смогут контролировать природу магии.

Стражи вынуждены соблюдать законы государства, в котором находятся. В большинстве своем – это достаточно легко, особенно если правительство не лезет в наши дела и не

требует от нас невозможного. Мы миримся с социальными и политическими обстоятельствами. Лишь иногда они – досадная помеха в нашей работе. Но когда рядом появляется кто-то из Ордена Праведности, день, можно сказать, испорчен. Потому что слово «помеха» здесь совершенно не подходит. Эти ленивые ублюдки иногда готовы сесть тебе на шею и оттуда высказывать «бесценные» распоряжения и руководства, прикрываясь правилами и законами.

Стражи душ стараются как можно дольше избегать внимания Lex talionis. И не злить этих господ. Чаще всего они знают и умеют гораздо меньше нас, но за ними государство, а этот зверь, даже если он всего лишь мелкое герцогство на задворках обитаемых земель, разорвет любого.

У Ордена есть силы, возможности и средства ловить тех, кого они считают преступниками. Деньги, людские ресурсы стражи и тайной полиции. Армия, наконец. Я помню, как в Южной Дискульте охотились на одного из нас, нарушившего негласные правила. Его обложили, словно волка, гнали к горам, а затем убили, и Орден повесил его голову на шест в самом центре столицы, чтобы все знали, что происходит с теми, кто идет против него.

– Ты намерен отступить? – прервал молчание Проповедник.

Я посмотрел на него с сомнением:

– Вроде ты уже давно ходишь за мной. Когда это я отступал без особой нужды?

– Думаешь, он спустит тебе неповиновение?

– Номинально я ничего не нарушаю. Как ты помнишь, городской совет сам нанял меня. Никаких преступлений. Он не может привлечь власти.

– Не будь наивным, Людвиг. Этот господин, дай ему волю, сам что-нибудь нарушит, а обвинит тебя.

– Я буду осторожен, – сказал я и поднял правую руку вверх ладонью, словно давал клятву. – Обещаю.

Мне следовало задуматься, почему Орден так всполошился лишь из-за появления стража в Вионе? Они настолько разнервничались, что снизились до угроз – это дорогого стоит. Мне стало любопытно, какой у них интерес в этом деле? Неужели, действительно, боятся, что я напортачу и здесь станет еще хуже? Вряд ли. Очень вряд ли. Господин Александр знает мое имя, а значит, должен знать и репутацию.

Тогда что им нужно? Почему Ордену так важно убрать стража душ из города, раз они решили его припугнуть и даже не опасаются, что я доложу об этом своим?

Я не знал ответов на эти вопросы. Мне следовало быть поосмотрительнее и помнить о господине с жетоном высшего жреца.

Сенные ворота были заперты, что неудивительно. Кладбище возле часовни Святой Маргариты находилось за городской стеной, и стражники не желали, чтобы хоть что-то проникло оттуда сюда. Кроме засова какие-то ретивые люди додумались завалить врата бочками и перегородить телегами.

Как будто это могло спасти их от мертвецов.

Воины сидели возле караулки и выглядели не слишком радостными оттого, что сегодня их направили торчать возле Сенных.

– Закрыто! – крикнул мне один из них, возившийся со смешным лохматым щенком.

Я показал ему кинжал:

– Открывайте.

Он крикнул начальника, уже немолодого сержанта с пропитым лицом. Тот лишь бросил взгляд на звездчатый сапфир, пожал плечами:

– Калитку откроем. Но возвращаться вам придется через другие ворота. Я не буду ломать голову, кто рвется с той стороны.

На том и договорились.

Стоило мне и Проповеднику выйти на дорогу, как стальная калитка за нами захлопнулась.

Чуть дальше, за большим мельничьим хозяйством, работающим даже сейчас, несмотря на близкое соседство с кладбищем, из-за березовой рощи, находящейся возле речного рукава, торчали башни Вионского монастыря малиссок.

Монастырь был богатый и известный. Не только в Вионе. И не только в этом княжестве. Поговаривали, что церковь ссылает в него прогрессивно настроенных женщин из других церковных орденов. Но с учетом того, что женщины эти обычно из очень обеспеченных семей, средств белым стенам

не занимать.

Кладбище находилось по дороге к монастырю. Здесь уже лет двадцать никого не хоронили, и оно пришло в некоторое запустение. Заросло бурьяном, подорожником, крапивой и шиповником. Старая часовня с посережевшими от времени стенами и давно уже не отпираемой дверью смотрелась тут совершенно уместно. Такое же забытое богом место, как и все, что находится вокруг.

Кладбищенскую ограду красили, наверное, во времена, когда людей на земле еще не было, настолько ржавой и убогой она была. За оградой торчало Пугало, рассматривающее могильные кресты.

– Ну надо же! – удивился Проповедник. – Кто бы мог подумать. Привет, соломенная голова!

Пугало его проигнорировало. Повернулось к нам сутулой спиной и пошло бродить между могилами, пока не скрылось за серым склепом, накрытым сверху плющом, словно снегом.

Погост был разорен, могильные плиты расколоты, комья земли разбросаны. Часть крестов и памятников покосились, а то и вовсе упали. Я остановился возле куста шиповника, на колючей ветке которого висел желто-коричневый обрывок ткани – все, что осталось от погребального савана. Множество следов костлявых ног на сырой после дождя земле говорили о том, что веселье здесь разыгралось не на шутку.

– Никогда не видел пляску смерти, – сказал Проповедник,

с некоторой осторожностью взглянув в ближайшую от него разверзнутую яму.

– Значит, тебе повезло. Радость на подобном празднике напускная. Кости веселятся до той лишь поры, пока поблизости нет живых. Они утягивают прохожих в танец, а затем уводят за собой в могилу.

– Разумеется, кроме таких, как ты.

– Стражи им не по зубам. Плясать мы не слишком горазды.

Проповедник понимающе усмехнулся, провел сухим пальцем по своей окровавленной щеке.

– Впрочем, все, что я сказал выше о плясунах, относится лишь к стихийным порождениям силы. Когда она не направлена.

– Например, на город, – понял он.

– Ну, тут, скорее, все было наоборот, – подумав, произнес я, поглядывая на дыру в заборе и протоптанную через кустарник тропу. – Но в прошлом, когда Псы Господни еще не везде протянули свою длань, ведьмы натравливали пляшущие кости на неудобных.

– Прекрасно помню гравюры, где скелеты уводят епископа, девушку, короля и нищего за собой.

Между могилами снова появилось Пугало. Оно шло медленно, все так же сутулясь, и остановилось недалеко, прислушиваясь к нашему разговору. До моих ушей долетел отдаленный колокольный звон. Били полдень в центральном

городском соборе. Клич его громкого, тяжеловесного колокола подхватили другие церкви, а затем, почти с минутным опозданием, загудели колокола в монастыре церковного ордена малиссок.

Пугало поежилось, ему было не слишком приятно ощущать этот звон, но, как я и думал, оно оказалось куда сильнее многих встреченных мною одушевленных. Впрочем, ничего удивительного, раз оно шастает по святой земле и не тает от этого.

Проповедник затянул «Oratio ad Sanctum Michael»,⁷ взяв за основу популярную в моем княжестве пастушью песню, но изменил свой голос на пару октав, отчего тот зазвучал очень жалобно и дребезжаще. Он смог завладеть вниманием Пугала, которое не ожидало такого поворота событий и теперь таращилося на горе-певца из-под надвинутой на «лицо» шляпы.

Я с сомнением покачал головой:

– Гореть тебе в аду, приятель.

Проповедник даже не думал прерываться. Он любил петь и занимался этим, как только ему приспичивало прочесть молитву. На мой взгляд, по нему плакали все балаганы. Они потеряли потрясающего клоуна. Впрочем, боюсь, что долго Проповедник выступать бы не смог. За такие выкрутасы его б точно упекли в сумасшедший дом. Или сразу отправили к отцам-дознавателям.

⁷ Молитва святому Михаилу Архангелу.

Я внимательно изучил кладбище, обошел его по периметру, убедился, что все до одной могилы пусты. По сути дела, с места снялась и куда-то уперлась целая прорва мертвецов, никого не предупредив.

Одно я мог сказать точно, душами здесь и не пахло. А вот темной магией – сколько угодно. Это был аромат сырой дубовой коры и дегтя, едва ощутимый даже для меня, но, наверное, любой представитель инквизиции почувствовал бы его, не дойдя до ограды ста шагов.

Пугало зачем-то залезло в одну из могил, потопталось в ней, с шумом выбросило оттуда разваленные, гнилые доски и комья земли. Проповедник пожал плечами. Он не понимал, что происходит.

Я еще немного побродил по кладбищу, отмечая, что сторожка смотрителя выглядит столь же запущенной, как и весь погост. Затем нарисовал несколько *фигур*, орудуя мелом по уцелевшим поверхностям могильных плит, и смог выяснить, где использовали магию подъема.

Нигде.

Судя по *фигурам*, никакого ритуала здесь не проводили, и стихийный всплеск произошел по совершенно неясной для меня причине.

– Вид у тебя такой, словно ты обнаружил в карманах пропажу денег.

– Что-то в этом роде. При подобных всплесках *totentanz* не выходит за пределы погоста. Но, как видишь, мертвецы

ушли. Такое бывает только во время ритуалов или если ограда не освящена.

– Она освящена.

– Знаю. Уже проверил. Что заставило уйти кости – смогут понять только слуги Церкви. Они большие специалисты в делах борьбы с колдовством и чертовщиной.

Подошло Пугало, поманило меня за собой с загадочным видом, скалясь своей застывшей, жутковатой улыбочкой.

– Не слишком разумно, Людвиг! – предупредил Проповедник. – Я бы сказал, даже опрометчиво. Разумеется, для тебя.

– Пугало право. Следует прогуляться по лесу.

– Не желаю видеть мертвых в таком ничтожном и несчастном виде. Не по-божески это, зреть детей Господа в столь жалком состоянии.

– Считаешь, что, когда придет Судный день и наступит Всеобщее воскрешение, они будут выглядеть лучше? – с иронией спросил я.

Вместо ответа он пропел, кстати говоря, достаточно мелодично:

– *Lacrimosa dies illa qua resurget ex favilla judicandus homo reus...*⁸

– Ну, так оставайся здесь или иди на постоянный двор, – не выдержал я.

⁸ «О, тот день слёз, когда восстанет из праха виновный грешный человек...» «Dies irae» («День Гнева») – церковный гимн.

– Учти! Помрешь, останутся твои кости среди берез и осин! – кричал он мне уже в спину.

Я махнул ему рукой, и он, повысив голос, начал петь гимн с самого начала. Странное зрелище для тех, кто *видит*. Душа священника с окровавленным лицом бродит по разоренному кладбищу и вдохновенно поет о Дне Гнева. Хочешь не хочешь, а поверишь во Второе пришествие.

Лес жил своей жизнью. Шелестели старые березы, журчал чистый, начинающийся с ключа на залидном лугу ручей, полз мимо корневищ рогатый жук с лаковым панцирем, слышался отдаленный крик кукушки.

Вот уж кто – пророчица смерти. Плохая птица. Темная. Куда хуже тех же самых ворон, которых принято ругать и относить к слугам Дьявола. По мне, так кукушка может принести бед гораздо больше, чем целая стая черных птиц. Надо всего лишь задать неправильный вопрос, а потом расхлебывать последствия. Если, конечно, успеешь их расхлебать, прежде чем на тебя обрушатся глад, мор, саранча и какая-нибудь озверевшая душа в придачу.

Тропа от сотен прошедших ног никуда не делась. Петляла в подлеске, уводя меня в самую чащобу. Был яркий день, так что я не слишком опасался каких-нибудь неприятностей, лесных духов или иных существ, планируя выбраться отсюда еще задолго до заката.

Пугало тащилось следом за мной, шагах в двадцати, то

появляясь из-за деревьев, то отставая. Странное оно все-таки. Пользы от него, скорее всего, ни на грош, но я был рад его компании и тому, что здесь не один.

Из-под ног выскочила серая крыса, вильнула голым розовым хвостом и скрылась в траве. Было видно, как пригибаются травинки там, где она бежит. Что же. Значит, не одни мертвые подались в леса. Крысы из Виона тоже решили немного побыть в единении с природой.

Лес стал гуще, пропали залитые солнечным светом полянки и просеки. Перестали встречаться вырубки. В большом количестве появились звериные тропы и следы. Местность постепенно менялась, начались осины, я стал спускаться в низину, как раз вдоль ручья. В некоторых местах она оказалась заболоченной, пришлось искать обходной путь.

Первое бело-желтое пятно я увидел совершенно случайно, когда повернул голову направо. Присмотрелся, прищурив глаза, и разглядел сидевший на пеньке скелет. Тот не двигался. Поправив пояс, чтобы кинжал был под рукой, я поспешил в эту сторону и был вознагражден нелепой картиной.

Лес был запружен мертвыми. Старые кости, непонятно как соединяющиеся друг с другом, находись везде, куда ни кинь взгляд. Некоторые лежали, словно спали, – часть из них оказалась присыпана серыми, прошлогодними листьями. Другие стояли, третьи сидели, а четвертые даже висели, зацепившись руками или ногами за нижние ветви деревьев, словно постиранное, а теперь сушащееся белье. Где-то по-

одиночке, а где-то и группами, мертвые захватили этот участок леса, не желая спокойно лежать в могилах.

Никто из них не шевелился, хотя мой дар позволял чувствовать, что они не совсем мертвы. Я шел, поглядывая по сторонам, скорее с любопытством, чем с опаской или отвращением. Некоторые скелеты оказались большими оригиналами и застыли в величественных позах, или совершенно смешных, или гротескных.

Вот мыслитель сидит на камне, подперев костяным кулаком желтую скулу. Здесь – юноша фехтует невидимым клинком, застыв в *Bedrohe mit Zornort*.⁹ А эта парочка самозабвенно целуется, слившись в костлявых объятиях и соприкоснувшись друг с другом оскаленными улыбками. Там, дальше, поэт декламирует свои вирши на радость десятку восхищенных слушателей. А возле кособокой осины беседуют о чем-то два почтенных мужа. И рядом с ними, упав крестом, замаливает грехи какой-то монах. Чуть дальше – пахарь с невидимым плугом, сразу за ним, рядом с покрытыми мхом камнями, женщина баюкает несуществующего младенца.

Их было чертовски много, этих мертвецов.

Когда я проходил мимо, несколько черепов повернулись в мою сторону, и теперь я шагал, провожаемый взглядами пустых глазниц. Пожелтевший скелет, где-то потерявший левую руку и большую часть ребер, увязался следом за мной, привлек внимание еще двоих, судя по позам, резавшихся в

⁹ Угроза гневным острием (одна из стоек в фехтовании мечом).

кости, но эта троица довольно быстро отстала, отвлекшись на порхающую между деревьями бабочку-капустницу.

Некоторые из «лесных гостей» были обржены в остатки погребальных саванов, но большинство скелетов оказались просто голыми. На них не было видно даже малейших признаков плоти.

Достаточно далеко от того места, где я находился, между деревьями я заметил женщину. Она была невысокой, крепко сбитой, в сером жилете и длинной юбке. У нее были грязные, немытые, растрепанные седые волосы, крепкие руки с облупленными ногтями и творожисто-белое, рыхлое лицо, на котором не оказалось ни глаз, ни носа, лишь обрюзгший рот – на гладкой, словно коленка, коже.

Я цокнул языком. Убавляющая мясо. Экая неприятность. Вот уж кого не думал здесь встретить. В любом другом случае я не оставил бы ее у себя за спиной и исполнил бы свою работу, но сейчас, уничтожая душу, я рискую взбаламутить это тихое царство. Неизвестно, сколько придется успокаивать пляски и хватит ли у меня на это сил.

Поэтому я прошел мимо, дав себе слово вернуться и прикончить мечущуюся душу прежде, чем она кого-нибудь убьет. Но, к большому удивлению, впереди, прямо на своем пути, я увидел еще двух убавляющих мясо. Они играли в чехарду, с каким-то остервенением прыгая через спины целой вереницы скелетов. Пугало ими нисколько не заинтересовалось, прошло мимо, направляясь в самую густую часть ча-

щобы. Туда, где мертвых было особенно много.

Заметив меня, души перестали развлекаться, переглянулись и сделали шаг в мою сторону. Я без суеты достал кинжал. Увидев черное лезвие, они остановились, еще раз посмотрели друг на друга. Было понятно, что между ними происходит какой-то разговор.

Наконец, они отошли в сторону, уступая мне дорогу, и вновь занялись своими странными играми. Я чувствовал их голод и желание убить меня, но также – их страх. Убавляющие не слишком разумны, в том смысле, что некоторые другие злые сущности предпочитают убраться как можно дальше, если я оказываюсь рядом. У этих же тварей чувство самосохранения почти отсутствует.

Я помянул Дьявола, когда увидел сидящую в траве четвертую убавляющую. Эта полировала снятый с ближайшего скелета череп, нежно протирая его краем подола своей изодранной юбки. Четыре души вместе, когда их и по одной-то редко встретишь. Что могло заставить подобных созданий собраться?

Я резко обернулся и увидел, что к тем, что играли в чехарду, присоединилась первая, и теперь все трое смотрят на меня. Впервые я почувствовал себя несколько неуютно.

– «Уходи, пока цел», – прозвучал у меня в голове голос Проповедника.

Разумеется, никакого Проповедника и близко не было, он остался далеко на кладбище, а все это – лишь мое разыг-

равшееся воображение, но я решил принять превентивные меры. Достал из кармана мелочь, не глядя, бросил ее себе за плечо, скороговоркой пробормотав нужные слова. Теперь, если они пойдут за мной, монеты их остановят.

Полировавшая череп оторвалась от своего занятия, ее безликое лицо оказалось покрыто отвратительными язвами. Меня так и подмывало прикончить убавляющих, но и эта агрессии не проявила, поэтому я, повернувшись к ним лицом, отступал спиной, пока все четверо не скрылись из виду.

Черт знает что происходит! Столько тварей раньше я видел только на полях сражений. Им здесь нечего делать. Ни плоти на мертвых, ни беззащитных живых. Впрочем, вполне возможно, что они обитали на старом кладбище, и пляска смогла закружить и их, притащив в лес.

Кажется, я пришел в самый центр сборища мертвых, потому что количество черепов на поляне превышало все возможные пределы. Словно грибы после дождя. Затхлый запах костей заглушал другие ароматы. Пугало, не шевелясь, торчало у кромки леса, отвернувшись от меня и склонив голову набок, словно к чему-то прислушивалось.

Понимая, что ходить мимо костяков можно довольно долго, я спросил у первого же скелета:

– Я ищу вашего короля. Где он?

Тот щелкнул челюстью, даже не повернувшись в мою сторону. Зато его сосед поднял руку, указав мне нужное направление.

Король totentanz при жизни, наверное, был рыцарем. Во всяком случае, в руке он держал ржавый фламберг, а на голове его торчал помятый хундсгугель с поднятым забралом. Да и осанка у его величества была прямой, словно в позвоночный столб вбили кол.

– И что вам в земле не лежится, как всем приличным мертвецам? – спросил я у него. – Город перепугали, кладбище стоит пустое. Нехорошо.

– Не стражу нас учить, что делать и как спасти себя, – прозвучал у меня в голове шелестящий шепот короля. – Мы не вернемся, пока это не кончится.

– Не кончится что? – не понял я.

– Не кончится то, зачем они это делают.

Добиться вразумительных ответов у меня не получилось. Точнее, король не собирался их давать. Я поборол раздражение, подбирая в голове подходящие слова. С подобным явлением я мог только разговаривать, как какой-нибудь обычный человек. Оно не обязано мне подчиняться или отвечать на вопросы. Я не Пес Господень, чтобы кости при моем приближении прыгали как шелковые и выполняли любой приказ, в том числе и «марш обратно в могилу».

Но спросить я ничего не успел, потому как из-за деревьев появились четверо убавляющих плоть. Еще три, те самые, которых я видел раньше, вышли с другого конца леса. Одна отсутствовала, моя мелочь ее все-таки задела.

– Беги, – равнодушно сказал король мертвецов.

Я, оскалившись, ничуть не хуже, чем он, крутанул кинжал меж пальцев.

Семеро! Развелось рядом с Вионом гадин! От них уже не скроешься. Догонят, выпьют жизнь, и поминай как звали.

Одним движением руки в воздухе я расчертил на земле широкого «осьминога». Король, кажется, усмехнулся, но говорить ничего не стал. Пугало как назло куда-то делось, впрочем, помочь бы оно мне не смогло при всем своем желании. Очень немногие одушевленные умеют причинять вред душам. Да еще таким сильным и злобным.

Они уже неслись на меня, выставив руки со скрюченными, грязными пальцами. Я хлестанул по воздуху кинжалом, начертил спираль, и передо мной появился длинный золотой шнур. Схватив его, я что есть сил дернул на себя, и пространство с одного бока собралось складками, выпятилось пузырем, искажая вид всего, попадающего в него. Я тянул и тянул, напрягая мышцы, а затем, когда троица почти добежала до останавливающей *фигуры*, отпустил шнур.

Пространство распрямилось с потрясающей скоростью, разгладилось и тут же громко хлопнуло. Оно стало тетивой, а злобные души арбалетными болтами. Им хорошенько врезало, и они полетели в обратном от меня направлении. Что с ними стало дальше, я не смотрел, потому что четверка с другой стороны уже достигла нарисованного «осьминога».

Как только первая из них пересекла границу, так сразу начала «дымиться». Фигура пила из души ее силу, то, что сдер-

живает убавляющую в нашем мире. Но слишком медленно. Чтобы исчезнуть, призрачной женщине требуется находиться на этом месте больше двух минут, а у меня нет столько времени.

Я с разбегу ударил ее плечом, а затем локтем, и взятый обратным хватом кинжал вошел в ее тело. Она взвыла и *перетекла* в клинок.

Мгновенная дрожь в руках, легкий приступ тошноты, звон в ушах. Некогда обращать внимание на такие мелочи.

Три ее товарки уже были в круге. Резко подняв руку, я направил на них открытую ладонь, и ближайшая ко мне убавляющая тут же упала на землю, дергаясь и пытаясь встать. Из-под нее вверх уходил пар, словно она была рыбиной, попавшей на раскаленную сковороду.

Вторая бросилась мне в ноги, и я ударил ее в лицо сапогом, одновременно воткнув кинжал в шею третьей.

«Остались пятеро!» – промелькнуло у меня в голове.

На плечи рухнула тяжесть, я почувствовал, как ломит виски, как двоится зрение, скороговоркой произнес фразу, взмахнул руками, плеснув невидимым для человеческого глаза пламенем на тех, кого отправил с помощью золотого шнура прочь и кто слишком быстро успел вернуться. Кинжалом резанул повисшую у меня на плечах, что есть сил крутанулся, освобождаясь от хвата, перекатился по земле и вбил свое оружие в сердце той, что была пригвождена к земле.

Сверху на меня упала еще одна тварь, обхватила руками

шею, пытаясь задушить. Я взревел, видя, как к ней спешит подмога. Ситуация складывалась – хуже не придумаешь. Я терял силы, словно пробитый пулей бурдюк с водой, а их все еще было много. Чертовски много.

На пределе своих возможностей, встав на ноги, я тут же рухнул на спину, придавливая душу к земле, заставляя ее всем телом ощутить начертанную *фигуру*. Помутневшее зрение отметило прыгнувшую тень. Машинально я выставил кинжал, позволив ей напороться на него, ощущая, как клинок трясется от переполнившей его силы. Кто-то вцепился мне в ноги и я, теряя сознание, активировал *фигуру*, созданную мной еще накануне вечером.

Земля просела от удара, взвыло, в воздухе закружились *знаки*, каждый из которых падал на души, впивался в их плоть, ослаблял. Ту, что сидела на моей груди, снесло. Я почувствовал, как захват на шее ослаб, саданул назад локтем, поднялся и, развернувшись, опустил кинжал на гадину.

Это потребовало от меня, порядком выпитого душами, просто нереальных сил. Так что я почти сразу упал опять, уже зная, что уцелевшая меня точно прикончит. Надвинулась чернильная тьма, с воем, криком, диким хохотом и громом барабанов. А затем мрак рассеялся, пришли серые сумерки, и я, все еще удерживая кинжал влажной ладонью, попытался разглядеть, что происходит.

Быстро начало светлеть, колдовство, упавшее на лес, стремительно рассеивалось.

И я увидел девушку.

Ее одежда была ослепительно-белой. Белый берет, короткий мужской камзол, рубашка с кружевным воротником и рукавами, штаны для верховой езды и даже сапожки. Тем более впечатляюще смотрелись красные вкрапления, словно кровь, пролившаяся на нетронутый снег. Алое фазанье перо в берете, алая рубиновая брошка на горле, алая строчка по воротнику, рукавам камзола и сапогам.

Она шла по дымящейся земле, держа в руках, затянутых в белые перчатки, черный кинжал с сапфировым набалдашником. Остановившись рядом с последней, почти развоплотившейся душой, девушка подняла на меня светло-карие глаза и спросила:

– Не возражаешь?

Я покачал головой и вытер кровь, текущую из невесть каким образом разбитой губы. Кинжал спасительницы добил последнюю из убавляющих.

– Привет, Синеглазый, – сказала девушка.

– Здравствуй, Гера, – поприветствовал я ее. – Вот уж кого не ожидал встретить, так это тебя.

– Признаться, и я не думала, что мы столкнемся. Извини, надо успокоить их. – Она убрала кинжал в ножны.

Скелеты, которых встряхнула магия и схватка, бушевали, щелкали челюстями, стучали костями, собирались в круг для танца. Король, положив фламберг на плечо и опустив забрало шлема, готовился отдать приказ начинать пляску. Не

знаю, что делала Гертруда, но получалось у нее хорошо. Уже через минуту костяки вновь начали расползаться по лесу, застывать в самых нелепых позах, впадать в спячку.

Эта девушка не только страж душ, но и колдунья. Ведьма, если хотите. В классическом смысле этого слова. То есть при нужде может и метлу оседлать, и проклятие наслать.

Король вернулся на свое место, демонстративно отвернувшись от меня, и забрало поднимать не спешил. Бой на поляне и мои *фигуры* основательно повредили множество скелетов. Часть костей рассыпалась без всякой надежды быть собранными вновь.

Я уже поднялся, хотя меня все еще мутило и в ногах была гадкая слабость. Гера, ни слова не говоря, протянула мне маленькую фляжку.

– Только не алкоголь.

– Это молоко, Людвиг. Пей.

Сразу же стало легче.

– Подумать только, Синеглазый совершил еще одно чудо – расправился за один раз с толпой убавляющих плоть? Сколько их было всего? Шестеро?

– Семь. Если считать и ту, что ты прикончила.

В ее глазах что-то сверкнуло, но я не был готов поручиться, что угадал эмоцию.

– Такие подвиги только магистрам совершать.

– Ну, я не магистр, – проворчал я. – И без тебя я бы не выжил. Ты здесь какими судьбами?

– Если честно, то совершенно случайно. Ехала в столицу, но почувствовала этих, – последовал кивок в сторону скелетов. – Решила посмотреть, что такое. А нашла тебя. Насмешка судьбы.

– Да уж... – Вот и все, что я мог сказать.

– Идти можешь? – спросила она.

– Конечно. Ты пешком?

– Оставила лошадь на дороге. Я их усыпила ненадолго. Потом начнут буяннить. Не отставай.

Она пошла вперед, а я поплелся за ней, любуясь ее гибкой фигурой. За то время, что мы не виделись, Гера отростила короткую косу, вплела в белые волосы алую ленту. Во всем остальном она ничуть не изменилась с момента нашей последней встречи. Точнее расставания. И надо сказать, расстались мы не в самых лучших отношениях. На самом деле я чудесным образом избежал превращения в жалкую гусеницу. До сих пор не знаю, что остановило вспыльчивую колдунью.

С того времени я не видел Гертруду, хотя пытался отыскать ее, но каждый раз мы оказывались в разных странах, занятые собственными делами. И вот теперь встретились.

Она обернулась и с подозрением поинтересовалась:

– Чему ты улыбаешься?

– Рад тебя видеть.

Она фыркнула, но комментировать это не стала. Сказала лишь:

– Поначалу я тебя даже не узнала. Раньше ты бороду не носил. Похож на пса. Смешного. И лохматого.

Я машинально потрогал недельную «щетину». Росла она совершенно бесконтрольно, да еще отчего-то разных цветов. От светло-песочного до темно-русого, цвета моих волос. Действительно, словно пятнистая дворняга.

– Вернусь в Вион, побреюсь.

– Не надо. Мне нравится. Ты забавный.

Я озадаченно промолчал.

– Признала только по кольцу. Польщена, что ты все еще его носишь.

Кольцо сделала мне она. Я носил его на безымянном пальце левой руки – три плоских полоски из белого, красного и желтого золота, завитые несложной спиралью. На каждой полоске выбиты руны крапивы, руты и толокнянки. Ведьма говорила, что когда-нибудь это кольцо спасет мне жизнь. Я и верил и не верил. Вот уже второй год оно у меня на пальце, но пока еще ни разу не помогло. Впрочем, и не помешало тоже.

– Мне нравится.

Она резко остановилась, потянулась к кинжалу, но я поспешно сказал:

– Не тронь его. Это мой.

Пугало появилось из-за мшистых камней, подозрительно посмотрело на Геру и уже не спускало с нее глаз.

– А где Проповедник? – Она тоже наблюдала за одушев-

ленным, и ее глаза нехорошо щурились.

Было видно, что сдерживает Геру от действий только моя просьба.

– Решил меня не сопровождать.

– Как всегда струсил. Ты хотя бы знаешь, что *это* такое?

– Он одушевленный. И хватит о нем.

Гертруда сокрушенно вздохнула:

– Иногда я поражаюсь твоему безрассудству, Синеглазый.

Ну, смотри. Как знаешь. Но я бы не очень-то доверяла этому.

– У нас с ним негласное соглашение.

– Любишь ты окружать себя странными душами, – сказала она, видя, как Пугало присоединилось к нам. – Кстати говоря, что ты здесь делаешь? Ведь не за убавляющими же плоть ты пошел в одиночку?

Я пересказал ей случившиеся события, и рассказ длился как раз до той поры, пока мы не оказались на дороге. Ее лошадь, каурая красавица, стояла не привязанная совсем недалеко от кладбища.

– Меня ждут дела в столице, но твоя история заинтересовала, Людвиг. Если позволишь, я остановлюсь на ночь в Вионе. Хочу сама посмотреть, что к чему.

– Святые угодники! – подскочил Проповедник, когда я вошел в комнату. – Во что ты, черт тебя побери, ввязался?! Иисусе Христе! А она тут откуда?!

– Привет, Проповедник, – сказала Гера, равнодушно

скользнув по нему глазами. – Все еще торчишь здесь, вместо того чтобы вкушать благодать в раю?

– Не тебе говорить со мной о рае, ведьма! – возмутился тот.

– Между прочим, официально зарегистрированная ведьма. – Она села на стул, сняла перчатки, бросила их на стол. – Грамота с печатью Псов Господних прилагается.

Проповедник терпеть ее не может. Гертруда уроженка карманного герцогства Барбург, где взгляды на колдовство куда более терпимые, чем в других странах. Проповедник родом из Лезерберга, самого консервативного княжества в этом регионе. Он не может понять, почему Церковь не оттащила колдунью на костер, а стражи приняли ее к себе.

По мне, так все просто. Двоюродный дядя Геры – кардинал Барбуга. У Церкви, вопреки мнению обывателей, свой взгляд на людей, владеющих запретными чарами. Если такие люди признают власть папы, распятие, причастие и Святую Троицу, то есть шанс, что их существование одобряют. Хотя бы потому, что ведьмы на службе у Церкви гораздо лучше знают собственную магию, а значит, могут помочь справиться с теми, кто несет в мир зло и анархию. Разумеется, инквизиция накладывает на лояльных темных некоторые ограничения и обеты, да и следит за их поступками с большой тщательностью, во всяком случае, первое время.

Именно по этой причине ее взяли к нам. Гера обладает не только даром, но и магией, которая недоступна никому из

нас.

– Хватит стенать, Проповедник, – сказал я, доставая бутылку вина.

Пугало село во главе стола и начало точить серп. Хотя, по мне, это являлось бесполезным занятием. Им и так уже можно было бриться.

– Касательно твоего рассказа, на мой взгляд, так нет ничего загадочного. – Гера ловко швырнула свой берет на мою кровать. – Во всяком случае, в поведении крыс и пляске мертвых.

– С интересом выслушаю.

Проповедник хмыкнул с явным пренебрежением, но на него никто не обратил внимания.

– Крыс принято считать слугами тьмы. Многие называют их тотемными зверьми мелких бесов.

– Ну, с учетом того, что они разносят чуму и губят зерно, в этом нет ничего удивительного.

– Обычное заблуждение, Людвиг, – сказала Гертруда. – Крысы пользуются бедствиями, но тьму, настоящую тьму, не переносят. Поэтому стараются держаться от нее как можно дальше.

– Считаешь, что в Вионе тьма?

– Или скоро будет. Нечто готовится, я это чувствую, но что именно – сказать тебе не могу. Послезавтра я буду в столице и сразу же пойду к Псам, сообщу им, что дело серьезное.

– Думаю, им уже доложили, – резонно заметил я. – Ты все еще оказываешь услуги клирикам?

– А разве у приличной колдуньи есть другой выбор? – усмехнулась она. – Скрываться от инквизиторов весь остаток жизни не по мне. Что касается пляски смерти, то ты ошибаешься – с кладбища их подняли.

– Но никакого ритуала там не проводили! Я уверен!

– Верно. На погосте никто ничего не делал. Смею предположить, что колдун не хотел, чтобы его волшебство обнаружили так быстро. К тому же всегда есть шанс, что делом займется кто-нибудь не слишком опытный в делах темной магии, даже если это люди инквизиции. Уже бывали случаи, когда то или иное явление списывали на стихийное проявление дьявольских козней. Но поверь мне, Синеглазый, это дело рук колдуна. Или ведьмы. Будь у меня время, я бы осталась с тобой и поискала то место, где он проводил ритуал. Следы, как их ни прячь, остаются. Главное знать, что искать.

– Я не знаю, – хмуро пробурчал я.

– А тебе это и не нужно. – Она примиряюще улыбнулась. – Ты ценишься совсем за другую работу. Оставь это дело на инквизицию. Они умеют справляться с подобным.

– Псы Господни, как видишь, не здесь. Я обещал помочь.

– Твои обещания сведут тебя в могилу, – подал голос Проповедник.

– На этот раз соглашусь с ним, – кивнула Гертруда. – Но, зная тебя, понимаю, что ты не отступишься. Ты думал, по-

чему ушли души?

– Причин может быть тысяча. – Я пожал плечами.

– Разберись с этой причиной, и поймешь, что случилось.

Удивляюсь тебе – полез к скелетам, вместо того чтобы найти того мальчишку. Он может многое знать.

– Я планировал этим заняться после обеда.

– Уже ужин. И через час начнутся сумерки. Не думаю, что разумно лезть наверх в темноте.

В ее словах был серьезный резон, так что мне пришлось согласиться и отложить поиски.

Гертруда уехала перед рассветом, даже меня не разбудив. Я просто почувствовал, что постель рядом со мной пуста, но не стал просыпаться, пока небо не посветлело. На столе лежала записка, написанная знакомым мне аккуратным почерком.

Всего лишь два слова: «Будь осторожен».

– Она что-нибудь сказала? – спросил я у Проповедника.

Тот сидел в глубокой тени, там, куда не попадал свет еще бледного утреннего солнца, и я видел лишь силуэт.

– Сказала, что оторвет мне голову, если я тебя оставлю как в прошлый раз, – недовольно ответил он.

Пугало выглядело задумчивым и смотрело в окно.

– Нам всю ночь пришлось проторчать в общем зале, пока вы тут развлекались, умники.

– Ах, прости, – сказал я, не чувствуя никакого раскаяния.

Я думал о Гере. Она была похожа на кровавый буран, что иногда несется по пустым дорогам. Прилетела и исчезла, оставив после себя одни лишь воспоминания. Наша личная жизнь с ней – настоящая катастрофа, в которой мы оба мало что понимаем.

Хозяйка внизу была наряжена в выходное платье. На улице тоже почти все люди оказались в новой, чистой одежде. Я удивленно пересчитал дни, но не смог вспомнить ни одного праздника, который могли бы отмечать в городе. Взяв проходящего мимо шорника за плечо, я спросил:

– Какой сегодня день, приятель?

– Что? – не понял он.

– Сегодня праздник? Почему улицы чистые, а одежда на всех новая?

– С луны ты, что ли, свалился? Епископ Урбан приезжает в Вион.

– Сегодня?

– Ну! Прослышал в пути, что на нас беды темные падают, мертвецы из земли встают, и свернул с дороги к Папе, чтобы быть с нами. Службу будет проводить в соборе Святого Николая. Может, хоть одним глазком увижу.

Озадаченный, я пошел дальше по улице, то и дело поглядывая на крыши.

Я много слышал про епископа Урбана. Он – достаточно серьезная фигура среди святош. Собственно говоря, старикан является наместником Папы в Фирвальдене, и его власть

ничуть не меньше, чем у князя. Урбана называют святым человеком и истинным защитником Церкви. Праведные поступки и никаких грехов. В последнее время жена князя сильно к нему прислушивается, и оттого его светлость, чтобы порадовать супругу, перестал уж слишком грешить. Да к тому же выпустил несколько законов, кои были удивительно неудобны для некоторых господ. Например, для Ордена Праведности, который в последнее время начал раздражать клириков в этом княжестве. И говорили, что Урбан прижмет их к стенке, вообще выпроводив из страны.

Впрочем, и благородным от святоши тоже попало. Он не одобрял пьянства, лжи, взяток и прелюбодеяния. Точно так же, как и игнорирование исповеди. А то, чего не одобрял епископ, в последнее время не одобрял и князь.

– Но если князь всегда остается князем, и его власть считается бесспорной, то епископ – пришлый чужак, назначенный Папой, – прочитал мои мысли Проповедник.

На этот раз я не стал ему пенять, что он лезет в мою голову:

– Да. Такие приходят и уходят. И когда уйдут, все обычно возвращается на круги своя.

– Но Урбан уходить не спешит, – усмехнулся Проповедник. – Я слышал, ему предлагали внеочередное право получить белую лошадь с красным покрывалом и золотыми поводьями,¹⁰ но он отказался уезжать из Фирвальдена.

¹⁰ То есть стать кардиналом.

– На него покушались уже восемь раз. Дважды никого не нашли, хотя Псы Господни носом рыли землю. Один раз убийцу разорвала толпа верующих. Ну а остальных ждал костер.

– Это говорит лишь о том, что у епископа хорошая охрана.

– Не думаю, что его молитва поможет Виону. Хотя люди немного успокоятся.

– Да они особо не нервничают, – хмыкнул мой спутник. – Всегда знал, что в Фирвальдене живут какие-то тугодумы.

– Запах страха витает повсюду, хотя граждане и выглядят спокойными. Если пляска повторится или случится что-то еще, город взорвется. Так что епископ приехал вовремя. К тому же с ним будут Псы Господни. Не едиными молитвами сильна Церковь.

Усмешка Проповедника показалась мне не слишком веселой:

– Ты собираешься посетить мероприятие?

– Нет. Мне следует найти мальчишку.

Следующие три часа я ходил, задрав голову к крышам, и поэтому у меня чертовски затекла шея. Кроме того, один раз я едва не попал под почтовую карету, что нисколько не улучшило моего настроения. Проповедник начал ныть, как ему это все уже надоело и пора бросить заниматься чепухой, но я был достаточно упрям, чтобы не сдаваться.

Душу я увидел случайно, решив свернуть в узкий переулок, чтобы избежать толчеи на одной из центральных улиц

Виона. Паренек сидел на высоком коньке, выступающем над крышей, и беспечно болтал ногами. Я помахал ему рукой, он помахал в ответ.

– Могу я к тебе подняться? – крикнул я, чем сильно перепугал прохожего.

Он счел меня ненормальным, который разговаривает с самим Господом, раз орет, обращаясь к безоблачному небу. Мальчишка кивнул, Проповедник застонал и сказал:

– Мне, конечно, жутко любопытно, но я не полезу.

– Не возражаю, – сказал я. – Ты только перепугаешь ребенка своим видом.

– Он и сам выглядит не очень. Свалился с крыши, вот теперь там и будет лазать до Второго пришествия Господа.

Я отмахнулся, пытаюсь понять, как можно забраться наверх. Не обращая внимания на гавкающего на заднем дворе пса, нашел приставную лестницу, ведущую на сарай, а с него – на кровлю. Хозяин, коловший дрова вместе с сыном, завидев бесцеремонного незнакомца, поудобнее перехватил топор, но я, не вдаваясь в подробности, показал ему сапфир на кинжале.

Он побледнел, явно считая, что рядом с его жилищем поселилась злобная душа, кивнул и, сцапав сына за воротник, втащил того в дом, захлопнув за собой дверь.

На крыше произошли некоторые изменения. Рядом с мальчишкой сидело Пугало и кидалось набранными камушками в ругающегося внизу Проповедника.

– Не учи ребенка дурному, – попросил я того.

– Это я учу?! Господи Иисусе! Ты посмотри, чему его учит этот страшила! – завопил Проповедник, потрясая кулаками.

– Привет, – сказал я ребенку. – Не обращай на него внимания. Он не так плох, как кажется.

Вблизи мальчик выглядел еще более бледным и худеньким. Вокруг голубых глаз залегли синие круги, рубашка с одного бока намокла от крови, и было видно, как под ней выпирает сломанное ребро. Мне стало ужасно жаль его. Порой я начинаю сокрушаться, что могу лишь забирать неприкаянные души, но не могу вернуть им полноценную жизнь. Не уверен, что даже Бог на такое способен.

– Я знаю, кто вы, – произнес он. – Светлый страж.

– Кто? – опешил я.

– Светлый страж, – решительно повторил он. – Мне про вас рассказывали. Те. Другие. Которые сейчас ушли. Вы убиваете лишь злых из нас. Остальным не стоит бояться вашего кинжала. Если только они не попросят вас об этом сами.

Пугало одарило меня заинтересованным взглядом, а я пытался прийти в себя. Не знал, что я настолько прославлен среди душ.

– Хочешь попросить? – осторожно спросил я у него.

Он поежился, словно от сквозняка, потом сказал:

– Я заблудился. Говорят, там хорошо. Лучше, чем здесь. И не так больно по ночам.

Я никогда не слышал, чтобы им было больно. Это что-то

новенькое.

– Я не знаю, как там, приятель.

Он вздохнул и перестал об этом говорить.

– Мне нужна помощь, – сказал я. – Расскажешь, куда ушли другие?

– Их прогнали. Меня тоже хотели прогнать, но я быстро бегаю. – Его синие губы улыбнулись.

– Как прогнали? – не понял я.

Он нарисовал в воздухе нечто похожее на морского конька. *Фигуру*. Общее изгнание из места. Я знал, что это такое.

– Большой был рисунок? – быстро спросил я.

– Ага.

– Ты видел, кто его рисовал?

– Человек в красных туфлях.

Одного такого я знал. Выходит, у господина Александра есть таланты и опыт настоящего стража.

– Потом ты его встречал?

– Ага. Встречал. – Мальчишка болтал ногами, поглядывая по сторонам, и было видно, что разговор ему не слишком интересен. – Позавчера. Он рисовал другие знаки.

– Какие?

– На месяц похож. Узкий. Вот такой. – Движением тонкого пальца он попытался воспроизвести изображение. – Только здесь словно вырез. А тут вот такая вот штука.

Внутренне я похолодел. *Фигурой* эта «штука» не была. Я видел ее в университетских книгах во время обучения сво-

ему ремеслу. И однажды мы обсуждали ее с Герой. Все гораздо серьезнее, чем можно было предположить.

Пугало, увидев контур рисунка, едва не сверзилось вниз, на Проповедника, околачивающегося на улице.

— Где он ее рисовал? — стараясь, чтобы мой голос звучал ровно, спросил я.

— Вон там. — Мальчишка показал пальцем на восток. — Прямо на крыше. Он меня не заметил.

— Спасибо, — поблагодарил я его.

Крыша была очень приметная. Да и само здание тоже. Собор Святого Николая.

Судя по часам на Цветочной площади, было без четверти двенадцать. Всего пятнадцать минут оставалось жить епископу Урбану, а так же всем, кто слушает его в соборе. Я не был уверен, что успею хоть что-то сделать, но попытаться стоило.

Мне пришлось мчаться сквозь толпу, запрудившую улицы, распахивая всех локтями. В спину неслись ругательства и проклятия. Поняв, что этой дорогой я успею только для того, чтобы увидеть, как из церкви выносят погибших, я бросился в узкое переплетение улиц, переулков и задворков старого города. Я худо-бедно помнил путь и знал, что, если свернуть на приметном перекрестке, возле углового дома, в котором скрывалась аптека, можно выскочить к стене северного нефа огромного собора.

Шум центральных улиц на какое-то время стих, я слышал лишь свое тяжелое дыхание. Проповедник и Пугало давно отстали. Людей становилось все меньше и меньше, зато, свернув за аптекой с запыленной витриной и подняв голову вверх, я увидел звонницу на фоне неба, зажатого с двух сторон высокими стенами домов, жмущихся друг к другу в узком переулке.

Бегущих следом за мной я услышал, только когда остановился, чтобы перевести дух. Двое господ в шапках зажиточных горожан без всяких экивоков обнажили стилеты и бросились на меня. Это была очень досадная задержка.

Я поднырнул под руку со стилетом, разворачиваясь, полоснул нападавшего кинжалом по ребрам, разрывая его подбитую ватой щегольскую куртку. Второй господин ткнул меня обратным хватом, я ответил ложным ударом с финтом, и он, закрывая шею и надключичную ямку, открыл подмышку, чем я и воспользовался.

Раненый тонко взвизгнул, отскочил к стене и сполз по ней, зажимая рукой хлещущую кровь. Его товарищ, несмотря на глубокий порез на правом боку, атаковал меня снова. Я блокировал его локоть предплечьем и, используя вражескую руку, как рычаг, отправил противника в полет к стене, затем припечатав лицом к ней же. Кинжал мелькнул у него под коленом, и больше я мог не думать о том, что эта парочка станет для меня помехой.

Вот только появилась другая препона. Господин Алек-

сандр, на этот раз одетый просто и неброско, закрывал мне дорогу к церкви. С ним были еще четверо. У всех в руках арбалеты. Я, сам того не желая, быстро оглянулся назад, но переулочек был слишком длинный, чтобы они в меня не попали.

Магистр Ордена, заметив мое движение, дружелюбно улыбнулся:

– Вы ведь не думали, что мы не будем за вами следить, господин Нормайенн? Право, мне кажется, я зря говорил вам о ростовщике, который копит, но не может потратить. *Memento mori.*¹¹

– Очень ловкой была идея поднять кладбище, – сказал я. – Епископ не мог мимо такого проехать и оказался в ловушке, которую вы для него устроили. И души вы прогнали тоже ловко. На тот случай, если какой-нибудь страж что-нибудь от них узнает.

– Ну у нас получилось не со всеми. Но это уже неважно. – Он дал знак арбалетчикам выйти вперед. – Последнее слово.

– Вселить тварь в колокол тоже было прекрасной идеей, но Церковь вам этого не простит.

– Нам? – делано удивился он. – А при чем здесь мы? Это все колдуны и ведьмы. А быть может, благородные, не слишком довольные епископом? Пусть Церковь и князь спрашивают с них. Хотя... Вы знаете, Людвиг, я начинаю думать, что здесь замешаны стражи душ. Одного как раз подстрелят сегодня.

¹¹ Помни о смерти (лат.).

В этот момент на них сверху упало Пугало. Эффект был почище появления Дьявола во плоти в благочестивом монастыре непорочных малиссок. Правда, отсутствовали гром, молнии, адское пламя и вонь серы. Но все равно впечатляюще.

Страшный серп рассек господину Александру, единственному из тех, кто мог его видеть, левую ногу от бедра до стопы. Я прыгнул в сторону и перекатился по грязной мостовой, и два болта с шелестом пролетели мимо. Больше не стреляли, потому что старина Пугало устроил кровавую жатву. Ничего не понимающие люди падали на алую от крови мостовую с рассеченными шеями и распоротыми животами.

Александр, приподнявшись на локте, ударил в одушевленного серым облаком, тот пошатнулся, несколько соломинок в его шляпе закрутились, словно от сильной жары. Потом Пугало подошло к раненому и одним широким движением острого серпа отрубило тому голову. А затем с удовольствием улеглось в кровь.

Я ему не мешал, потому что уже несли по переулку. Выскочил к церкви, бросился вдоль ее стены к центральной площади. Впереди было настоящее столпотворение. Стражники и люди в приметных рясах Псов Господних.

– Остановите молитву! – заорал я. – Остановите молитву!

Не заметить и не услышать меня было довольно сложно. Двое крепких парней с бритыми затылками, по недоразумению обряженных в рясы, обернулись. Один попытался схва-

тить меня своей похожей на лопату лапищей за шиворот, но я увернулся от него, врезался в корпус другого, да так, что тот охнул и отступил на шаг. Но свой успех я развить не успел. В моей голове зазвучала церковная музыка, ноги стали ватными, и я рухнул на колени, словно собирался прочесть молитву.

Мне тут же скрутил руки один из монахов, я открыл рот, но пудовый кулак второго врезался мне в живот. Совершенно ненужная мера. Я и так лишился возможности говорить. Язык просто прилип к моему небу. Быстро подошел человек в темно-коричневой рясе старшего инквизитора, тот самый, что ударил по мне своей благочестивой магией, процедил сквозь зубы:

– Утащите смутьяна подальше.

– Эй, глядите-ка! – сказал тот, что двинул меня, прекратив свой оперативный обыск.

Он протянул мой кинжал старшему инквизитору:

– Кажись, страж.

Колокол пробил двенадцать, и я застонал от отчаянья. Инквизитор, совсем еще молодой парень, наклонился ко мне и сказал быстро, четко, не спуская с меня взгляда:

– Говори, страж. Но если закричишь...

– Остановите молитву. На крыше собора символ Ведьмино яра, а в колоколе – темная тварь.

Надо отдать должное этому священнику. Он не сомневался, не медлил, не расспрашивал подробности. Бросился к

центральной воротам, где все было запружено народом, но я уже понимал, что поздно. Он не успеет. Один из монахов побежал вместе с ним, другой остался со мной, все еще стальной хваткой держа меня под локоть, на хитром болевом.

– Пусти! – сказал я, видя, как из-за угла появляется окровавленное и очень довольное собой Пугало. – Это надо остановить прежде, чем сюда налетят души со всего княжества.

Он заворчал, но, слыша, как дружно, в один голос, ахнула толпа у входа в собор, понял, что там все же что-то происходит, и отпустил меня. Я бы мог ему сказать, что ворота собора, скорее всего, стремительно зарастают кирпичом, но он уже и сам видел, как это происходит с витражными окнами и маленькими калитками.

Я вырвал из его рук свой кинжал и кинулся туда, где из стены торчали вбитые стальные скобы. Лез я как заправский матрос, и Пугало, следившее за мной снизу, становилось все меньше и меньше. Колокол бил, не переставая, и было понятно, что подчиняется он отнюдь не воле звонаря. Его громкий гул разносился по всему Виону, и мне казалось, что с каждым ударом я рассыпаюсь, словно песочный домик.

Ведьмин яр – высшая магия колдунов. Огромный, требующий колоссальных сил, времени и точности написания символ, созданный лишь для того, чтобы призвать к тому месту, где он нарисован, как можно больше злобных душ. Колокол, в который вселили нечисть (и глупости то, что действительно крупная нечисть боится колокольного звона), служит

в данном случае призывом.

Идеальное убийство. И страшное. Все, кто сейчас находится в соборе, обречены. Потому что церковная магия слишком медлительна, чтобы справиться с душами, которые хлынут из мрака. Именно поэтому подобными сущностями занимаемся мы, стражи.

Набат грохнул над головой так, что я оглох. На кураже я забрался выше всех городских зданий, исключая шпили соборов и церквей. В отличие от Проповедника, я не боялся высоты, а то бы уже давно грохнулся вниз. Опоры здесь почти никакой не было, а скобы успели проржаветь. Я бы с радостью поменял этот путь на тот, что должен проходить внутри собора, по спиральной лестнице, ведущей прямо на звонницу. Но выбирать не приходилось.

Когда я перевалил через высокие каменные перила, оказавшись рядом с гудящим колоколом, то, кажется, оглох второй раз, и теперь навсегда. Его мерные, ритмичные удары лишили меня слуха. Звонари были мертвы, и колоссальный предмет раскачивался сам по себе. С двух сторон ко мне потекли два худых, тонких, словно истаявших, существа. В них с трудом можно было узнать человеческий облик, который они когда-то носили.

Я выкрикнул слова, не слыша себя, махнул рукой, и первый худяга споткнулся и упал. Второй едва не сцапал меня, но мне удалось воткнуть в душу кинжал и выпить ее прежде, чем он смог меня коснуться. Однако первый уже ловко, точ-

но пружина, вскочил — лишь для того, чтобы на его плечи обрушилась тяжеленная молитва того самого молодого инквизитора, который задавал мне вопросы.

Пес Господень последовал за мной, бледный и взмокший, едва-едва перебрался через преграду, мешком упал на пол. Он, как и я, знал — колокол первопричина всех бед. Если его уничтожить, Ведьмин яр потеряет большую часть своей силы, души исчезнут, а с остальным можно будет справиться без особых проблем.

С тех пор как начался звон, прошло, наверное, минуты четыре. Вокруг звонницы уже вились первые души — серые размытые пятна, постепенно собирающиеся в воронку, которая вот-вот должна была прорваться и уйти сквозь крышу вниз. Туда, где находились люди. У меня никогда не хватило бы сил уничтожить всех тех, кто пришел на зов.

Я бросился вперед, в воздухе рисуя кинжалом *фигуру* за *фигурой*. Но черный ореол вокруг потемневших бронзовых стенок не рассеялся, а, казалось, наоборот, сгустился. В отчаянье я ударил по нему кинжалом, но не тут-то было. Сильный толчок в грудь был таким, что не поймай меня инквизитор, лететь бы мне до брусчатки всю высоту звонницы.

Он что-то мне прокричал, но, разумеется, я не услышал. Священник отстранил меня, опасно близко подошел к гигантскому колоколу, молитвенно сложил руки и, закрыв глаза, опустил голову. Я увидел, как нечто зашевелилось в глубине бронзы, словно в ней ему стало тесно. Мелькнул лохма-

тый локоть, появились и исчезли наполненные ненавистью и злобой алые глаза. А затем черная пелена, окружающая бронзовый монолит, пошла трещинами и лопнула, словно яичная скорлупа.

В чем Святой курии не откажешь, так это в том, что она знает, как поступать с бесовским отродьем. Мы ударили одновременно. Я – кинжалом, инквизитор – размашисто перекрестив и щедро облив текущей из распятия лучистой божественной благодатью.

Клинок вошел в бронзу, словно та была живой плотью. Такой же мягкой и податливой. Колокол содрогнулся и выплюнул из себя темно-коричневое, лохматое, дурно пахнущее, похожее на паука и одновременно на собаку существо. Оно щелкнуло страшной пастью возле моих ног, едва не откусив голень, и взвыло так, что даже я, будучи совершенно оглохшим, его услышал.

Демон ревел и бился в судорогах, обливая площадку звонницы черной кровью, клещущей из раны, оставленной моим кинжалом. Кровь на солнечном свете бурлила, шипела и испарялась. Инквизитор отодвинул меня, указав кивком головы в сторону лестницы, и, не дрогнув, возложил руку на голову адова отродья. Его длинные, тонкие пальцы впились в жесткую шерсть подобно клещам. На этот раз силу молитвы священника почувствовал даже я.

Впрочем, я не стал наблюдать за результатом. Инквизитор прав, каждая секунда на счету. Уничтоженный демон умолк,

но тех, что он успел созвать, вполне хватит для того, чтобы причинить массу неприятностей людям.

Витая узкая лестница, поворот за поворотом, вела вниз. Перил не было, лишь толстая веревка в центре, за которую следовало держаться, чтобы не покатиться по ступеням и не превратить все свои кости в мелкие осколки. Я пренебрег этой мерой безопасности, прыгая сразу через несколько ступеней, и достиг дверцы, выводящей на крышу, в предельно сжатые сроки. Замка не было, зато камень, зарастивший проем, задержал меня почти на минуту, прежде чем я смог выскочить под открытое небо, задрать голову и увидеть над собой снижающееся бледно-серое облако.

Несколько отдельных душ уже умудрились проникнуть под крышу собора. Я чувствовал их метания, их ненависть и ярость. А также слышал непередаваемый крик запертых внутри сотен людей. Растерянных, испуганных, мало что понимающих. В этих криках, стенаниях и обжигающей человеческой панике призванные твари купались, как акулы в кровавой воде. Иногда в темноте били яркие вспышки молитв инквизиторской магии клириков, которые не потеряли контроль над собой и пытались бороться со случившимся. Но нарисованный над ними Ведьмин яр сводил их попытки на нет.

На площади, которая прекрасно была видна мне с такой высоты, тоже царило безумие. Кто-то в панике бежал прочь, кто-то, наоборот, наседал вперед, вытягивая шею, чтобы по-

нять, что происходит. Стражники старались управлять толпой, священники – выбить запертые врата. Пока безуспешно.

Черканув по воздуху кинжалом крест накрест, я создал *фигуру*, способную удержать этот вал несколько секунд, и начал закрашивать Ведьмин яр, рисуя поверх него *фигуру* за *фигурой*, поступая точно так же, как ныне покойный господин Александр. Морские коньки – общее изгнание из места всех неприкаянных душ.

Надо мной трещали и рвались узы, но, несмотря на то что в глазах то и дело темнело, я завершил рисунок, затем начал произносить слова, и когда контуры на покорябанной черепице стали наливаться светом и пульсировать, откатился в сторону, оказавшись в опасной близости от края крыши.

Серое облако начало рассеиваться. Вначале медленно и неохотно, а затем все быстрее и быстрее, пока в чистом, прозрачном небе не осталось ни намека на угрозу. А потом сверху ливанул дождь, стеной обрушившись на собор, и яркая радуга, распутившаяся над звонницей, была мне самой лучшей наградой.

Дилижанс задерживался, как это частенько с ним бывало, и Проповедник ходил по площади с недовольным и надутым видом, словно все ему здесь были обязаны. Я сидел на дорожном саквояже, несколько потяжелевшем после того, как городской совет Виона выдал мне мою награду, и рассеянно поглядывал по сторонам. Люблю этот город, но сейчас сле-

дует от него немного отдохнуть и отправиться куда-нибудь на запад, где нет танцев скелетов и жизнь немного спокойнее.

Во внутреннем кармане моей куртки лежало тяжелое золотое кольцо, украшенное крупным темным рубином – подарок от епископа Урбана. Разумеется, у него не нашлось времени встретиться с каким-то стражем, но он, стоит отдать ему должное, хоть как-то смог показать, что благодарен.

По площади прошел очередной молебельный ход. Весь город захлестнуло религиозное рвение, и на то была масса причин. Все молились Господу, благодарили его за спасение и разве что не устраивали пляски. Случившееся в соборе очень быстро обросло слухами и превратилось в чудо. Епископ тут же стал еще более святым, чем он был, раз смог прогнать самого Дьявола. Бесспорная победа Церкви.

Проповедник вчера сказал, что он возмущен, как вся слава досталась кому-то другому, и теперь об этом растрезвонят не только на это княжество, но и на весь цивилизованный мир. Иногда он говорит сушие глупости. Я рад, что все внимание приковано к епископу, а не ко мне. Братство стражей не слишком ценит дешевую популярность, и этому есть множество причин. Одна из них – работать становится крайне тяжело.

– Мертвецы позавчера ночью вернулись на кладбище, – сказал Проповедник, присаживаясь рядом.

– Знаю.

– Но, наверное, не знаешь, что маршировали они, как сол-

даты его величества Луи.

– Шутка в стиле их короля. Будь у них барабаны, думаю, эффект был бы еще сильнее.

Он понял, что мне совершенно неинтересна тема пляски смерти, буркнул ругательство.

– Не богохульствуй, – попросил я его.

– Бог простит.

– Бог только и делает, что всех прощает. Не думаешь, что рано или поздно ему это надоест?

– Меня это заботит гораздо меньше, чем то, что теперь сделают с Орденом Праведности.

– Думаю, ничего. Орден уже объявил Александра отступником, преступником, проклятым и самым чертом. Они найдут десятки свидетелей и сотни свитков, где будет сказано, что этот человек давно не имеет с ними ничего общего и прочее, прочее, прочее. Большие игры, в которые я не собираюсь не только играть, но даже ими интересоваться. У меня другая забота – души.

Пугало, сидевшее рядом, не обращало на наш разговор никакого внимания. Оно наблюдало за смазливой молоденькой продавщицей булочек. Девчонка, что тут скрывать, была очень хороша. Жаль, что умерла.

– Они начали возвращаться в Вион. – Проповедник улыбнулся.

Через несколько минут появился дилижанс.

На противоположной стороне площади показался мой

старый знакомый – господин студент. Пройдя половину пути, молодой человек заметил меня, остановился как вкопанный, несколько секунд колебался, затем презрительно скривился, сплюнул на брусчатку и направился прочь.

Воистину некоторых людей жизнь ничему не учит.

Я обменялся вежливым кивком с уорэнт-офицером второго класса, который все также сопровождал студента, встал, поднял дорожный саквояж и вместе с Проповедником и Пугалом направился к дорожной карете.

История вторая

Ключ от рая

Дом эпохи Клемента Вседержателя находился на узкой, увитой диким виноградом улице, в самом центре Старого города. Вывеска «Фабьен Клеменз и сыновья» была неброской и маленькой, но знающим людям говорила о многом. Я переложил саквояж в другую руку и толкнул дверь. Колокольчик над моей головой звякнул хрустально и нежно, и почти тут же рядом оказался привратник в темно-бордовой ливрее, которая едва не лопалась на его плечах. По плоскому лицу, переломанному носу и ссадинам на огромных кулаках сразу угадывался род занятий этого человека – вышибала. На его поясе висел корд в дорогих ножнах. Не удивлюсь, если за стойкой лежит шестопер или какая-нибудь дубинка. Впрочем, для костолома у него были изысканные манеры и умение вести себя вежливо, что для компании, где он работал, совершенно неудивительно.

– Вы в первый раз у нас, господин? – спросил он, ощупывая глазами мою одежду на предмет спрятанного оружия.

– Нет, – ответил я и, чтобы избежать лишних вопросов, расстегнул куртку, показывая кинжал.

Привратник кивнул, приглашая меня к стойке. Там, закатав рукав, я протянул правое запястье, охранник провел

над ним ивовым прутиком, и веточка дернулась в его руках. Мужчина довольно улыбнулся, взялся за новенькое перо, окунул в чернила и со скрипом написал на бумаге ряд только ему понятных закорючек.

– Будьте любезны следовать за мной, господин.

Громила провел меня в прекрасно обставленную комнату.

– У нас есть превосходное наварское бренди из герцогских виноградников. Или желаете чего-нибудь другого?

– Благодарю, не стоит.

Он поклонился и вышел, оставив меня в одиночестве. Я повертел головой, с интересом разглядывая комнату. В этом представительстве «Фабьен Клеменз и сыновья» я не был, потому что город Тринс никогда не лежал в сфере моих интересов. Работы всегда немного, душ мало, а те, что есть, редко причиняют вред людям. Здесь кругом сплошные святые места, темным мятежным созданиям слишком плохо, чтобы просто существовать, не то что устраивать пакости местным жителям.

Появившийся на пороге господин в корне отличался от встретившего меня привратника. Невысок ростом, сутул, обычен лицом, неприметен одеждой и скуп на жесты. Подобные люди никогда надолго не задерживаются в памяти. Их и описать-то сложно, а запомнить – по давню. Все клерки этой компании внешне похожи друг на друга, словно родственники. Остается только догадываться, где месье Клеменз набирает столь непримечательных персонажей.

– Господин ван Нормайенн, – прошелестел сотрудник, – прошу вас сюда.

На маленьком прилавке стояла ажурная клетка с механическим скворцом. Птичка склонила голову, придирчиво изучила меня черными бусинками хрустальных глаз. Скворец был необычным. Я узнал в нем одушевленного.

– У нас есть на него лицензия. – Клерк заметил мой интерес. – Хотите посмотреть, страж?

– Я здесь не за этим. Предпочитаю решать деловые вопросы.

– Замечательно. – Бледные губы неприметного господина тронула улыбка. – Желаете внести деньги на депозит?

Я вытащил из дорожного саквояжа тяжелый кошелек:

– Да. На мой счет. Двадцать процентов от суммы переведите, пожалуйста, на счета Братства стражей.

Стандартная процедура. Братство находит, воспитывает и готовит нас, а мы отдаем ему часть заработанного. Ради всеобщего блага.

Клерк высыпал золотые монеты на прилавок, быстро сложил их в три ровных столбика. Сделал отметку в бухгалтерской книге:

– Двадцать литавских флоринов, или сорок дукатов, или тридцать два чергийских гроша.

Я кивнул, подтверждая верность его слов. Он жестом попросил показать запястье, коснулся его ивовым прутиком, внося новые, видимые только ему цифры.

– Вас ожидает корреспонденция. Если вы подождете минуту, я принесу ее.

Я нахмурился. Никто не должен был знать, что я появлюсь здесь. Я направлялся в столицу княжества Фирвальден, чтобы повидаться с Гертрудой, которая собиралась быть там до конца лета, и заехал в Тринс исключительно ради одной ночевки. Но, как оказалось, для кого-то мой путь секретом не был, и они обратились в «Фабьен Клеменз и сыновья».

Эта компания надежна, как мой кинжал, и множество ее филиалов, разбросанных по всем цивилизованным странам, дают некоторым людям возможность пользоваться их услугами, а также не опасаться за свои вклады, поскольку при всей своей внешней незаметности они отличаются от других одной очень характерной чертой – независимостью.

«Клеменз» не зависят ни от Лавендуззского торгового союза, ни от местных городских правителей, ни от бригад наемников, ни от нас, ни от князей, ни даже от Церкви. Во всяком случае, пока еще ни у кого не получилось заставить компанию раскрыть конфиденциальные данные о клиентах. Хотя бы потому, что все – торговые союзы, мэры и ландграфы, герцоги и князья, наемники и маги, кардиналы и епископы – являются клиентами этой фирмы. Они берут у нее в долг, они хранят в ее надежных недрах свои средства и тайны. И никто не желает, чтобы их маленькие секреты стали достоянием гласности.

Вернувшийся клерк протянул мне узкий конверт. Перла-

мутровая печать Братства выглядела достаточно свежей и яркой, чтобы я спросил:

– Когда пришло письмо?

– Час назад.

– Могу я узнать, кто его принес?

– Нам не разрешено открывать информацию такого рода.

Извините.

Я кивнул, ничуть не удивившись, вскрыл магическую печать, приложив к ней палец, и она превратилась в дым, пахнувший сожженными травами. На плотном листе был записан код – сложный набор цифр и букв. Пришлось повторить его дважды для того, чтобы запомнить.

– Огня, пожалуйста, – попросил я.

Клерк принес свечу, и я сжег конверт вместе с посланием, наблюдая за тем, как они превращаются в пепел. Настроение испортилось. Кажется, мне придется забыть о том, чтобы встретиться с Гертрудой. Во всяком случае, на какое-то время.

Возле Девы Марии Снежной – величественной и совсем еще не старой церкви, построенной дедом нынешнего князя, сидели пятеро просящих подаяние. Дело у них шло не шатко ни валко. Во вторник, да еще и поздним утром, прихожан было мало, и скупы они оказались безмерно. Несколько стертых медяков, лежащих на дне кружек для милостыни, казались сущей насмешкой над заработком.

Поэтому язык не повернулся бы назвать нищих благодетельными. Скорее уж наоборот. Они то и дело цапались друг с другом, словно шелудивые дворняги. Их ругань разносилась по площади, но никто не обращал на нее внимания, хотя страсти медленно, но верно накалялись. Одиноким стражником, появившийся с Наклонной, со скукой на лице поглядел на разрастающийся скандал, прислонил тяжеленную аркебузу к стене и занялся заточкой корда. Его совершенно не волновало, что скоро кроме ругательств нищие начнут применять более весомые аргументы – костыли и клюки. При том, что выглядели господа просящие отнюдь не калеками. Крепкие и здоровые, на радость всем армейским вербовщикам.

К вящему разочарованию Проповедника, который с подчеркнуто презрительной миной наблюдал за спором нищих, драка все-таки не началась. Исключительно из-за моей скромной персоны. Точнее оттого, что в моей руке появилась четверть литавского дуката. Серьезная монета, особенно для таких плутов, как они.

– Что нужно сделать, добрый господин? – тут же спросил один, самый жуликоватый.

Спросил без заискивания, с профессиональным интересом наемника и голосом, ничуть не похожим на жалостливое нытье попрошайки, которым он говорил совсем недавно, протягивая кружку в сторону одной из прихожанок.

– Меня интересуют новости. Правдивые и проверенные. Насчет Каменной пустоши. Нужно знать, кого упекли туда

за последние четыре дня. Поименно. За что взяли, кто арестовывал, кто подписывал приговор, на сколько осудили и самое главное – где содержат.

Его дружки переглянулись, а он прищурился и посмотрел на меня оценивающе:

– Хитрое задание.

– Но и плата более чем щедрая.

Проповедник вздохнул так, словно я отдаю его, а не свои деньги. Глаза жуликов вновь обратились на четверть дуката. Крайний слева облизнул губы и сказал:

– Мы постараемся, господин.

– Получите еще четверть дуката, если к вечеру я узнаю то, о чем прошу.

Это их очень воодушевило. Я кинул монету главному:

– Имеет смысл говорить, что я пойму, если вы поете мне песни?

Еще один оценивающий взгляд.

– Не будет песен, господин. Не за такие деньги. Если что-то разнюхаем, то вы это узнаете. Если нет – не обессудьте. Аванс назад не вернем.

– Я в курсе, как заключаются сделки в Тринсе.

– Как мы вас найдем?

– Встретимся «Под русалкой», сразу после звона на комплету.¹²

Они, похватав кружки и костыли, бесшумно растворились

¹² Вечерняя католическая молитва.

в толпе.

– Вечно ты пользуешься услугами всякого сброда, – презрительно произнес Проповедник, когда я направился прочь от церкви. – Такие ножом пырнут не дорого возьмут.

– Меня радует, что ты печешься о моем здоровье, – пробормотал я так, чтобы не привлекать внимание окружающих, которые не слишком нормально относятся к людям, разговаривающим с невидимым собеседником.

– У меня в этом деле свой интерес. Без тебя обязательно найдется какой-нибудь страж, который отправит меня в рай. Рядом с тобой я как за каменной стеной.

– Спасибо за откровенность.

Он пожал плечами, немного похожий на старого, надутого пеликана, которого зачем-то обрядили в сутану:

– Наше существование – вопрос некоторого везения. Рано или поздно мы попадаемся на глаза тем стражам, которые гораздо менее щепетильны, чем ты. А таких достаточно много. Правилами вашего Ордена не запрещается отправлять встреченную на пути душу на Божий суд, хотя «Кодекс теней»¹³ это и не приветствует.

– Жесткие правила уничтожения касаются только тех, кто вредит людям. С остальными следует поступать по мере разумения, – возразил я. – Лично я считаю, что если душа желает задержаться в нашем мире и ведет себя тихо и мирно, ради бога. Когда настанет ее час, уйдет сама.

¹³ «Кодекс теней» – ряд законов Братства стражей.

– Ты в меньшинстве. Слишком это лакомый кусок – свободные души. Некоторые из вас пытаются собрать их как можно больше, не отличаясь особой деликатностью.

– Не всем это нравится. И речь идет отнюдь не обо всем Арденау.¹⁴ Среди наших магистров тоже нет единения в вопросах собирания душ. Слишком велик соблазн, слишком значительна награда.

– Ходят слухи, что у некоторых из вас есть запасные кинжалы, хотя это строжайше запрещено. Такое оружие не попадает под проверки вашего Братства, а также Ордена Праведности и церковников, а значит, можно не бояться, что тебя поймут за тем, против чего резко выступает Святой Престол.

– Ерунда. Каждый кинжал уникален. Оружейников, способных создавать их, слишком мало. Всего две семьи, занимающиеся этим из поколения в поколение. И если ты думаешь, что они не под пристальным наблюдением, то ошибаешься.

Проповедник пожевал губами и промолвил:

– Люди всегда найдут способ обмануть других людей. Ты ведь не будешь отрицать, что души, благодаря стражам, покидают этот мир? И необязательно злые сущности.

– Не буду.

Знавал я таких ребят. Их не пугал даже церковный гнев и

¹⁴ *Арденау* – столица королевства Альбаланд. Здесь имеется в виду Братство стражей, штаб-квартира которого находится в этом городе.

пристальное внимание Ордена Праведности. Кстати, почти все они плохо кончили.

Еще несколько столетий назад Папа Иоанн Шестой скрепил золотой буллой¹⁵ документ «De animis existentiis et legibus ad eas res pertinentibus»,¹⁶ где было сказано, что Церковь резко против, чтобы кто бы то ни было из рабов божьих вмешивался в вопрос существования невинных душ без персонального одобрения и письменного разрешения священников. Святой Престол искренне считает, что души «в руках Божьих, и негоже людям лезть в дела Его». По разумению Церкви, раз души не спешат к воротам в рай, значит, их время не пришло. Разумеется, подобный церковный закон не касался злых душ, так сказать «вредящих людям по Дьявольскому наущению».

– Не все соблюдают правила, Людвиг. – Проповедник смотрел, как детвора пускает в луже кораблики.

– Это в природе человеческой. Вот уж чему я никогда не буду удивляться.

– Пойду прогуляюсь. Давно здесь не был.

– Увидишь Пугало, скажи ему, где мы остановились.

Он не ответил мне ни да ни нет и свернул за угол. Порой старый брюзга становится невыносим, и я начинаю удивляться, почему терплю его рядом с собой.

Я пошел вниз по Колбасной, чувствуя, как начинает при-

¹⁵ Булла – здесь «печать».

¹⁶ «О душах, их существовании и законах, к ним применяемых».

пекать солнце. В княжестве царила настоящая жара, и поговаривали о скорой засухе. Судя по реке, протекающей под городскими стенами, если не будет дождей еще недели две, – наступят не самые лучшие времена.

Трактир «Под русалкой» находился недалеко от Замшелых ворот, возле которых начинался оживленный фирвальденский тракт. Но из-за высокой цены на проживание, еду и вино здесь было удивительно свободно, чего не скажешь о соседних заведениях. Народу туда набивалось, как альбалаудских селедок в тесную бочку – дверь не закроешь. Лично я в подобных местах стараюсь бывать как можно реже и предпочитаю возможность сидеть за столом в одиночестве, а не в окружении сомнительных личностей.

Впрочем, от недостатка клиентов трактир «Под русалкой» никогда не страдал. Здесь останавливались те, кто ценил тишину, комфорт и хорошую кухню и готов был платить за это гораздо большие суммы, чем принято в придорожных заведениях в этой части города.

Сейчас кроме меня в зале было совсем немного посетителей. Никто друг другу не мешал, все были заняты едой и беседой. Я сел за свободный стол, махнул хозяину, чтобы принесли холодного пива.

– И что теперь? – Проповедник – моя головная боль. Как и она, он любит появляться неожиданно. – В чем смысл очередного дурацкого поручения Братства?

– Я так надеялся, что ты отправился гулять надолго, –

вздохнул я.

– А я так надеялся, что у тебя хватит ума отказаться.

– От некоторых вещей отказываться себе дороже.

– Так что они хотят?

– Просят помощи в поисках одного человека. Хартвига Нитца. Уроженца Тринса. Его поймали на мошенничестве два дня назад, отправили в Каменную пустошь, а затем куда-то перевели. Куда – никто не знает.

– И зачем, скажи мне, грешному, этот проходимец нужен стражам? И на кой, прости господи, черт, ты занимаешься тем, что ведешь розыски пропавшего?

– Насчет первого ничего не скажу, насчет второго – потому, что меня попросили люди, гораздо более влиятельные, чем я. Я не могу игнорировать приказы, даже если ты продолжаешь считать, что каждый из стражей – вольная пташка, которая себе на уме.

Мне принесли пива, и Проповедник, скривившись еще больше, чем обычно, отвернулся, не желая продолжать беседу.

Пугало так и не появилось, что меня, в отличие от вновь разговарившегося Проповедника, совсем не беспокоило. Он же, не переставая, ныл, что черт знает, чем оно может заниматься, когда остается без моего присмотра.

– Ты видел его серп? А его улыбку? Это же форменное сумасшествие! Да по сравнению с ним наемные солдаты –

агнцы Божьи, поющие «Господи, да будет воля твоя».

– На всякий случай напомню тебе, что один из этих агнцев лишил тебя жизни.

Проповедник скрипнул зубами, явно от досады, и сказал:

– Ты понимаешь, что если оно окончательно сбрендит и накромсает кого-нибудь на кусочки, а об этом узнают власти, у тебя будет куча неприятностей? Ты ответственен за то, что стянул его с ржаного поля.

– Пугало не так плохо, как ты думаешь, – беспечно отозвался я, слыша, как городские церкви начинают звон на комплету.

– Возможно, мы говорим о разных Пугалах? – ехидненько поинтересовался Проповедник, вытирая кровь со щеки. – Я о том, что похоже на оживший кошмар. Такое, знаешь ли, молчаливое, с изогнутым ножом для кровавой жатвы, порубившее в Вионе несколько человек.

– Если Пугало зарвется без всякой на то причины, я это узнаю. И его ждут неприятности. Оно об этом, представь себе, тоже знает и будет следовать правилам. Но если тебя беспокоит одушевленный, то терзай не меня, а его. Найди и приглядывай.

– Я что, похож на няньку? К тому же оно меня игнорирует.

– Тебя все игнорируют, кроме меня, – «утешил» я его. – Потому что у тебя невыносимый характер.

– Ага. Вон у тех типов он конечно же несравнимо лучше. Я оглянулся.

В дверях стояли двое из попрошаек, что я нанял. Правда, нищими они уже не выглядели. Никакого рванья, никакой грязи. Горожане мелкой руки, живущие явно несправедливым трудом. Хозяин и его прислужники закрыли им дорогу, полагая, что подобным людям здесь делать нечего, но я показал, что они пришли ко мне, и их с явной неохотой пропустили.

Первый был тот самый заводила, игравший роль главного. Второй, судя по лицу и повадкам, любил выбивать из людей деньги кулаками. Желательно в темном переулке.

– Угостите пивом? – бесцеремонно спросил глава маленькой шайки. – Говорят, здесь оно отличное.

Я усмехнулся, но попросил для них кувшин нефилтрованного. Они расценили мою добрую волю как проявление слабости, и громила, хрустнув костяшками пальцев, пророчил:

– Надо бы добавить за дельце, добрый господин.

Проповедник зло сплюнул на пол, но, кроме меня, к сожалению, этого никто не видел.

– Цена уже обговорена. Я заплачу деньги, если ваши новости будут мне интересны. Если ты чем-то недоволен, можешь проваливать прямо сейчас, – негромко и вполне дружелюбно ответил я ему.

Он нахмурился, собрался было обидеться, но получил пинок под столом от своего товарища и занялся пивной кружкой, предоставив спутнику вести переговоры.

– Это было непросто, добрый господин. Пришлось попотеть, чтобы хоть одним глазком заглянуть в тюремные книги.

– Уверен, что в итоге ни ты, ни тюремщики внакладе не останутся. Переходи к делу.

«Нищий» ухмыльнулся, понимая, что не сможет выжать из меня даже медяка, отхлебнул пива, вытер рукавом пену над верхней губой и сказал:

– За четыре дня к ним поступило двенадцать человек. В тюрьме осталось только шестеро. Про них рассказывать?

– Нет. Кого выпустили?

– Купца из Ровалии, попавшегося на неуплате пошлины городской управе. Точнее, он забыл дать взятку нужным людям, провел в тюрьме день, вчера за него выплатили деньги, и он был отпущен. Сразу же покинул город. Одного забрала инквизиция. Аптекарь с Подвижнической, что у церкви Ангела. Вышел в срамном виде на улицу, это сочли бесовскими проявлениями. Сейчас его, наверное, уже поджаривают на решетке. Потом был мошенник, совсем недолго дурил местных, обещая даровать им чистоту для их грешных душ. Вчера его забрали из камеры и вывезли.

– Куда? – не показывая эмоций, лениво поинтересовался я.

– Никто не знает. Даже солдаты. Приехали какие-то люди и забрали, показав печать мэра.

Плохие новости.

– Продолжайте.

– Еще одного отправили на кладбище из-за тюремной драки. И двое согласились встретиться с армейским вербовщиком. Их несколько часов назад перевели в полк, на северную границу. Это все.

Я задумчиво постучал пальцем по столу, переглянулся с Проповедником. Нужной информации мне не предоставили, но зажимать монету я не стал и вручил им причитающуюся плату.

– Если вам что-нибудь еще понадобится, добрый господин, только дайте нам знать. Всегда рады услужить, – сказал плут.

Их как ветром сдуло, и Проповедник с ехидцей спросил:

– И что ты будешь делать теперь?

– Постараюсь не обращать на тебя внимания, – буркнул я, вставая.

Мой собеседник не обиделся и остался сидеть на лавке, решив больше меня не раздражать. Во всяком случае, хоть какое-то время я смогу побыть в одиночестве.

В самом дурном из своих настроений я поднялся в комнату, отпер дверь и не слишком удивился, когда увидел сидевшего за столом высоченного плечистого детину с аккуратной смоляной бородой, пушистыми ресницами и пронзительными карими глазами. Кожаная рубаха на нем едва не трещала по швам, стоило гостю только пошевелиться и немного напирать мышцы.

– Привет, Карл. Будь как дома, не стесняйся.

– Здравствуй, Людвиг, – любезно ответил страж, сверкнув белыми зубами. – Извини, что без приглашения. Это Гансик, можете быть знакомы.

Возле окна стоял еще один гость – худой, белобрысый, с уставшими, покрасневшими глазами. Гансик, по первому впечатлению, умер собственной смертью, и лишь хорошенько приглядевшись, я увидел темное пятно на его правом боку. Душа кивнула мне без всякого интереса и энтузиазма.

– Ты надумал поиграть в шпионов? – Я снял куртку, бросил ее на кровать. – Честное слово, к чему письма?

– Скажи это Братству. Я получил точно такое же.

– Интересно, – сказал я без всякого интереса.

– Ага. – Карл повозился, поудобнее устраиваясь на скрипнувшем под ним стуле. – Еще как. Так что обратиться за помощью в «Клеменз и сыновья» было самой лучшей возможностью. Они не сдают своих клиентов.

– Как ты узнал, что я в городе?

– Увидел тебя утром, когда ты проходил в ворота. Братству подумалось, что ты по старой привычке заглянешь решить финансовые вопросы, как это сделал я. Мы с тобой не любим таскать с собой лишнюю наличность.

– Пора менять свои привычки, – пробормотал я. – Мне тебя нечем порадовать. Я не знаю, куда делся этот тип.

– Зато я знаю, – широко улыбнулся Карл. – Гансик, в отличие от нас с тобой, смог сесть черту на хвост.

– Надеюсь, это образное выражение, – кисло ответил я

ему.

Когда я встречаюсь с Карлом, мой энтузиазм очень быстро пропадает, и порой я даже перестаю любить свою работу. Потому что обычно такие встречи ничем хорошим не заканчиваются.

– Разумеется. Парня упекли в монастырь иеравитов. Святого Августина, если быть точным.

– Это ведь конгрегация,¹⁷ да? Непорочное Сердце Девы Марии, если не ошибаюсь.

– Угу. Братья-затворники. Большие молчуны.

– Он политический заключенный?

– Людвиг, тебе ли не знать, что политических упекают не в монастыри, а под землю. И выбраться они оттуда смогут лишь во время Второго пришествия Спасителя.

– И зачем понадобился этот человек?

– Братство свалило на меня это дело так же неожиданно, как и на тебя. Буквально вчера я получил послание. Нашим старикам понадобился парень, но к тому времени, как я об этом узнал, его уже повязали на торговой площади, сочли преступником и отправили в тюрьму для дальнейшей экзекуции с помощью розг. Пока я пытался его вытащить, он внезапно исчез. Словно Дьявол, на которого побрызгали святой водой.

– Но теперь ты его нашел и можешь продолжить то, что

¹⁷ Конгрегация – совокупность монастырей, следующих одному и тому же уставу.

тебе поручили. А я с чистой совестью отправлюсь по своим делам, – пожал я плечами, садясь напротив него.

– Не все так просто, – пожевав губами, сказал Карл. – У меня для тебя не слишком приятные новости.

– Почему я не удивлен? Стоит нам только встретиться, как сразу возникают неприятности. Помнишь лисецкий бунт, когда толпа едва не насадила нас на пики? А старые медные шахты и встречу с окуллом? Я уже не говорю о том, что нам едва не оторвали головы, когда мы с тобой сунулись в Прогансу, и Носители Чистоты опознали в нас стражей. И, несмотря на все эти события, ты хочешь еще раз меня втравить в какую-то дурно пахнущую аферу?

– Не я, – тут же сказал он, подняв на меня карие глаза. – Это приказ сверху, от которого не отобьешься.

Я прищурился, посмотрел на Карла. Мы были знакомы больше десяти лет, несколько раз вместе работали. Карл – обстоятельный и опытный страж, но ему не везло с напарниками. Они достаточно быстро отправлялись на божий суд, и я пока был единственным исключением.

– Хорошо. Выкладывай, – вздохнул я. – По крайней мере, вначале выслушаю, а затем уже тебя отправлю.

– Заметано. Хочешь вина?

– Чувствую, сегодня оно мне не повредит. – Я потер виски, которые жутко ломило.

Проповедник, старая дохлая образина, оказался прав, нечего было заезжать в Тринс.

Гансик, сложив руки на груди, отвернулся к окну. Карл, обрадованный, что я временно не мечу грома и молнии, достал из своей сумки пузатую бутылку, сбил сургуч с пробки, подцепил ее черным зазубренным кинжалом. Пробка чпкнула, выскочила, и он наполнил глиняные кружки, которые были слишком неказистыми для столь хорошего белого вина.

– Меня в городе уже знают, и моя персона ни для кого не является загадкой. А вот ты – темная лошадка, Людвиг. До поры до времени. Пока Тринс знает только об одном страже. Поэтому если ты согласишься помочь и мы будем действовать быстро, все останутся с носом.

– Пожалуйста, поподробнее про этих «всех».

– Все это все. Церковники, городские власти и Орден Праведности.

– Твою мать! – с чувством сказал я, услышав о последних. – А эти уроды каким боком влезли в твою историю? Во что тебя, а теперь и меня хотят впутать, Карл?

Он помолчал и осторожно ответил:

– Дело странное, если честно. Этот парень, Хартвиг Нитц, внезапно заинтересовал очень многих людей. Крайне популярная фигура в Тринсе последние несколько дней.

– Что он совершил? Превратил воду в городском фонтане в вино или взглядом лечит прокаженных?

– Парень, судя по всему, внезапно стал Видящим. Твердил что-то про души и прочее.

– Этого слишком мало, чтобы его упекли в монастырь или им заинтересовался Орден.

– Но он заинтересовался. И начал поиски. А городские власти спрятали Хартвига за святым забором, ожидая отмашки из столицы или пока страсти не поутихнут. Представь, что будет, если Орден найдет его быстрее, чем Братство. Ты ведь знаешь, как наши магистры свирепеют, когда их обыгрывают. Никому из них это не понравится. А значит, с меня живьем снимут шкуру, потому что я провалил щекотливое задание. Мне надо доставить парня в Богежом.

– Это почти сто миль на северо-запад. Самая граница с Бьюргоном.

– Да. Но ближе никого из стражей нет. Вот дело и взвалили на мои плечи.

– Пока не появился я. И теперь ты перекладываешь его на мои.

– Верно мыслишь. – Карл не отвел взгляда. – Магистры написали мне, когда ты заглянешь в город, и обязали передать тебе их приказы. Люди Ордена дышат мне в затылок. Они либо докопаются до кого-то из городского совета, либо понадеются, что я наведу их на парня. Получается – у меня есть реальный шанс водить их за нос, а ты в это время скроешься вместе с Хартвигом.

– Чтобы скрыться, надо сперва вытащить его из монастыря. Ты, видно, с ума сошел, если хочешь привлечь внимание церковников.

Он запустил пятерню в бороду, рассеянно «расчесал» ее и сказал:

– Я не могу тебя заставлять, Людвиг. Если ты откажешься – пойму. Но подумай, раз Орден проявляет такую активность, да не где-нибудь, а в Фирвальдене, где после истории с епископом Урбаном он на плохом счету, значит, все серьезно. Не знаю, зачем им этот парень, но он достаточно важен, коль уж они так суетятся.

– Да. Это очень подозрительно. Не случись истории с Урбаном, городские власти не смогли бы скрыть от Ордена правду. Но долго они все равно не продержатся и рано или поздно выдадут нужную информацию.

В любом случае трактир придется сменить. Если все так нешуточно, умные люди достаточно быстро смекнут, куда ходил Карл, и проведут ниточку ко мне.

– Это нужно Братству.

– Вот только не надо про Братство и его нужду, Карл! – тут же окрысился я. – Всю патетику и «надо» ради «надо», без всяких объяснений, оставь для зеленых юнцов. Меня давно уже не поймать на подобную удочку. Мы с тобой работаем, чтобы избавлять мир от темных сущностей, а не играть в политику и лезть туда, где оторвут голову из-за какой-нибудь никому не нужной глупости!

Гансик разглядывал меня так, словно видел впервые. С уважением, хотя я ничего особенного не сказал.

– Но ты pomoжешь? – спросил Карл почти что жалобно.

– Помогу. Тебе. За мной долг после того февральского брода, когда ты меня вытащил из воды.

– Спасибо, – проникновенно произнес он и тут же перешел на деловой тон: – Все надо сделать быстро. Желательно сегодня ночью. Я отвлеку всех, кого смогу, а ты довезешь парня до Богежома.

– Угу. Всего лишь пара пустяков. Понадобятся лошади. И деньги. И кое-какие вещи.

– Я подготовлю. Ты не пожалеешь.

Я не стал криво усмехаться, но представил, что скажет на все это старина Проповедник.

Проповедник не сказал ничего. Даже идиотом не стал называть. Лишь покрутил пальцем у проломленного виска и вздохнул, как лекарь над постелью безнадежного больного, которому не помогло кровопускание. А вот когда узнал, как я планирую оказаться в монастыре, произнес с горечью, что до таких преступлений он, человек церковный, никогда не опускался и участвовать в подобном мероприятии не планирует.

Мораль у старины Проповедника такая же гибкая, как фаледская сталь. Гнется туда, куда прикажут. С одной стороны, ему ничего не стоит осквернить причастие, с другой, проникнуть в обитель монахов, обрядившись в их одежду, – преступление против веры. Впрочем, я даже был рад, что его со мной не будет. Опять бы стал путаться под ногами.

Был поздний вечер, солнце закатилось, но небо оставалось светлым по горизонту, вспыхнув ало-оранжевой пеленой. Полотняные ворота у же закрывались, но я успел покинуть город, выйдя из него вместе с шестью пилигримами, отправляющимися в Нарару, чтобы поклониться мощам святого Луки. Правда, на паломников они были похожи лишь благодаря серым плащам. Во всем остальном – настоящие наемники. Под плащами бряцала целая гора оружия, что, впрочем, и неудивительно в связи с ночной прогулкой. Я бы, на их месте, поостерегся путешествовать по пустым полуночным дорогам. Мало ли кого на них можно встретить.

Я оставил путников сразу после моста через обмелевшую реку, свернув на дорогу к монастырю, находившемуся меньше чем в четверти мили от городских стен. В воздухе висел густой запах остывающей земли, душистого клевера и теплого летнего ветра, весь день носившегося где-то над бескрайними пастбищами. Я шел вдоль реки, в зеркальной воде которой теперь отражались лиловые облака. Их животы скрывшееся солнце окрасило темно-бордовым.

Под берегом, в густых камышах, несколько раз что-то гулко плеснуло. Возможно, это рыба ударила хвостом, а быть может, кто-то иной. В любом случае я не собирался туда лезть, чтобы проверить. Кто бы там ни прятался, пусть даже тинник или топлун, меня это не слишком сейчас заботило. Уверен, если речные жители начнут докучать наземным, те найдут способ с ними справиться. Сетью, порохом или отра-

вой. Люди всегда придумают способ, с помощью которого можно избавиться от неудобных соседей.

Дорожный саквояж пришлось заменить старой торбой, так как она привлекала гораздо меньше внимания. Бело-черное монашеское одеяние с широкими рукавами и глубоким капюшоном оказалось мне вполне впору. Вместо пояса я повязал пурпурную веревку, говорящую о том, что я принял обет молчания. Карл позаботился о моем маскараде и легенде. Последняя была неказиста и проста: мне рекомендовалось помалкивать и побольше мотать головой, благо веревка должна была избавить меня от большинства глупых вопросов.

Я немного волновался оттого, что мог попасть впросак с монастырским укладом, которого я ни черта не знал. Спасало лишь то, что я удачно умел корчить из себя идиота. Главное, держаться как можно более уверенно и нагло. Тогда половину твоих ошибок спишут на дурной характер.

Когда до монастырских стен оставалось всего ничего, я увидел на дороге Гансика. Он свернул в рощу, и я последовал за ним через лопухи и крапиву.

Две лошади стояли привязанные к деревьям, прикрепленные к их седлам дорожные сумки оказались пузатыми. Гансик ткнул в одну из них пальцем:

– Здесь Карл приготовил для тебя подарки.

Я расстегнул застежку, запустил руку внутрь и нащупал гладкую деревянную рукоять небольшого пистолета. А затем

еще одну.

– Фербергские.¹⁸ Хорошо, – сказал я, извлекая оружие на свет.

Подобные игрушки появились лет десять назад, серьезно потеснив арбалеты. Впрочем, я все же предпочитаю пользоваться последними. Шумят меньше и не надо постоянно следить за зажженным фитилем. Арбалет, кстати говоря, тоже был приторочен к луке седла. Но его, в отличие от пистолетов, я трогать не стал. Такую штуку под монашеской одеждой не спрячешь.

– Что с Карлом?

– За ним ходят двое законников, – сказал Гансик. – Час назад они заглядывали в «Под русалкой», пытались узнать, что он там забыл.

– Значит, времени еще меньше, чем мы думали. Кстати, ты не видел в Тринсе кого-нибудь из одушевленных?

– Нет. Внутри тебя ждут наши старые друзья. Вот здесь лежит кошелек. Отдай его им. Карл передает пожелания удачи.

Не ответив ни слова, я отправился обратно на дорогу. Отсюда до монастыря идти было не больше трех минут спокойным шагом. Возле запертых ворот, небольших, но на первый взгляд очень надежных, горели факелы.

На мое счастье, у аскетичных иерархов принято вести се-

¹⁸ *Ферберг* – город в кантоне Южный Бранденбау, славящийся своими оружейниками.

бя замкнуто, потому как я не собирался выбривать на голове тонзуру – но никого из них не смущало, что человек прячет лицо под капюшоном, а руки – в рукавах. А уж обеты молчания здесь и вовсе встречались на каждом шагу, что мне было абсолютно на руку. Пару часов мой спектакль не вызовет ни у кого подозрений, а большего и не надо.

Я взялся за тяжелое кольцо калитки, несколько раз бухнул им о металлическую пластину и принялся ждать. Что хорошо в монашеских орденах – они всегда пускают на постой своих братьев, не оставляя их ночевать на пороге. Очень похристиански, на мой взгляд.

Окошко в калитке распахнулось, на меня глянула злобная пропитая рожа. Увидев мою одежду, она буркнула:

– Из какого монастыря, брат?

Я с сожалением покачал головой. Он наконец-то разглядел в сгущающихся сумерках мой пояс-веревку, ругнулся и тут же получил затрещину от кого-то невидимого. Скривился, захлопнул окошко, загремел засовом, отпер калитку, держа в руках фонарь:

– Заходи.

Я сделал шаг и оказался в монастыре, очень надеясь, что выйти отсюда будет столь же просто, как войти.

Кроме привратника здесь были еще двое. Пожилой монах, с лицом очень похожим на помятую сливу, который и отвесил подзатыльник товарищу за то, что тот выругался, и верзила, возвышавшийся над нами на две головы. По мне,

драться с таким – очень близко к самоубийству. Справиться с подобной тушей можно, только если уронить на нее мельничный жернов.

– Ты из богомольцев? – спросил пожилой.

Я кивнул.

– Давно дал обет?

Я покачал головой.

– С каждым, кто приходит к нам, знакомится отец-настоятель. Но сейчас он спит, так что придется ему увидеть тебя утром. Мы дадим тебе приют, хлеб и воду, брат. И присмотрим, чтобы ничего с тобой не случилось. Иди за мной.

Так просто?! Впрочем, чего им меня расспрашивать? Все равно не отвечу.

Мы пошли по дорожке, мимо зеленых лужаек и цветочных клумб. Старик вел, здоровяк сопел в спину, словно живая гора.

Наконец, мы прошли мимо колодца возле наземного павильона и остановились.

– Там мастерская и библиотека. Базилика прямо. Направо трапезная, за ней зал капитула и монашеские кельи. – Старый монах посмотрел в глубину моего капюшона и закончил: – Тот, кого ты ищешь, находится за трапезной.

Я кивнул. Теперь понятно, что за люди в монастыре должны были мне помочь.

– Пройдешь мимо кухни, потом по тропе, огородом. Там найдешь одежду для него. Затем свернешь направо и еще

раз направо. Войдешь в малую часовню, минуешь главный неф, выйдешь через калитку. Перед тобой будет здание. Его охраняют двое, из городских. Твое появление их не удивит, они ждут еду, постарайся оставить их в живых.

– Хорошо, – сказал я, делая шаг вперед, но он остановил меня едва заметным движением.

– Это не все, что ты должен знать. Настоятель попросил еще кое-кого охранять пленника. Брат Парвус умер несколько лет назад, но остался в монастыре. Я слышал, что сейчас он в подвале. Мы будем ждать у ворот. Иди с Богом.

Я еще раз кивнул, передал им кошелёк, который старикан проворно спрятал в широком рукаве, и быстро направился по тропе, провожаемый их взглядами. Монахи ложатся рано, а пробуждаются, когда еще не рассвело, так что сейчас монастырь спал. Меня видели лишь ночные бабочки с бледно-серыми крыльями, выющиеся вокруг висящих вдоль стен масляных фонарей.

Возле кухни, свернувшись клубочком у поленницы, дрыхла маленькая лохматая псина. Она дергала во сне лапами и видела свой десятый собачий сон. Монастырский сад, совсем небольшой и подсвеченный лунным светом, встретил меня вязкой тишиной. Здесь росли несколько фруктовых деревьев, но основное пространство было занято грядками с капустой, репой и луком.

Одежда для узника лежала в корзине, рядом с продуктами и бутылкой вина. Взяв плетеную ручку, я ощутил достаточно

большой вес и вошел в малую часовню через распахнутые двери. Внутри пахло свечами, плавленным пчелиным воском, ладаном и едва ощутимо – жженым сахаром.

Сквозь окна на пол нефа, ограниченного с двух сторон грубоватыми каменными колоннами трехсотлетней давности, падали серебристые лунные лучи, и тени, лежащие на моем пути, были темно-синими и непередаваемо густыми. Эхо от шагов летело к покатоному своду, отражалось от него и растворялось в ночи. Миновав часовню, я вновь оказался на улице, в дальней части монастыря, недалеко от монастырских складов и стены, за которой темнел лес.

Прямо напротив находилось одноэтажное здание с частично разобранной крышей. Внутри оказалась старая конюшня, с устланным сеном полом и пустыми стойлами. У самых дальних от меня, над выходом, горел фонарь, и сидели двое мужчин.

Они слышали мои шаги и повернулись в мою сторону. Один, загорелый и жилистый, встал. Второй даже не оглянулся – смел с бочки игральные карты и начал вновь тасовать колоду.

– Наконец-то, брат, – сказал загорелый. – Мы уже умираем с голо...

Я без расшаркиваний швырнул в него тяжеленную корзину. Он упал вместе с ней на землю, я оказался рядом, подхватил выпавшую бутылку и саданул по голове картежника. Голова выдержала, впрочем, как и бутылка. Но человек сва-

лился без сознания, а я добавил первому, уже взявшемуся за стилет, и отбросил ногой оружие в сторону. Склонившись, приложил пальцы к его шее, почувствовал биение пульса и довольно кивнул. Все прошло как нельзя лучше.

Брат Парвус появился внезапно. Он полностью оправдывал свое имя¹⁹ – маленький, невзрачный человечек в монашеской рясе. Вот только руки его были черными и обугленными до костей. Душа двинулась на меня, и я извлек кинжал из ножен. Он остановился, не донеся ногу до пола. Прищурился.

– Ты не связан приказом и можешь отступить, – тихо сказал ему я. – Я не вижу в тебе зла, а значит, необходимости в моей работе нет. Если, конечно, ты не станешь мне мешать.

– Я пообещал настоятелю, что пригляжу за этим человеком, – негромко возразила душа, бывшая ранее монахом. – Ты пришел убить его, страж?

– Спасти. Им интересуются разные люди, и я не уверен, что он протянет долго.

– Ваше Братство ничуть не лучше остальных... – Парвус сделал шаг назад. – Хорошо, я поверю твоему слову.

– Почему?

– Настоятель связался со светскими властями. Это не слишком хорошо для обители и несет неприятности. В любом случае я не желаю умирать во второй раз из-за незнакомого мне человека.

¹⁹ Маленький, слабый, низкий (лат.).

Он пошел прочь, и я, подняв засов, оказался в маленькой подсобке конюха. Хартвиг Нитц не спал, и в полутьме я увидел, как блестят его глаза.

— Ты не похож на монаха и священника, — негромко сказал он мне. — И вряд ли пришел в такой час, чтобы меня исповедать.

Я оглянулся, убедился, что брат Парвус исчез, убрал кинжал.

— Если тебе нужна исповедь, я готов это сделать, но только быстро.

— К черту исповедь, страж. — Он встал на ноги и вышел на свет.

Хартвиг оказался моим ровесником, но на голову ниже меня и гораздо уже в плечах. У него было живое лицо, быстрые глаза и великолепный кровоподтек на правой скуле. Губы тоже были разбиты, а когда он улыбнулся, я увидел, что одного зуба у него как не бывало.

— Ты не тронул монаха, хотя он может быть опасным для людей, — задумчиво сказал пленник, испытующе глядя на меня.

— Может и хочет — вещи разные. Душа не желает зла другим, а потому мне она не интересна. Ты обладаешь даром Видящих?

— Я вижу тех, кто живет по соседству с нами, — ровно ответил он. — Для чего ты здесь?

— Хочу вытащить тебя из той ямы, в которую ты угодил.

Он прищурился:

– А дальше?

– Планирую доставить в Братство.

– Да ну? – Он неприятно улыбнулся. – Зачем мне это? Чем ваша «свобода» лучше той, что у меня уже есть?

– По крайней мере, там никто не будет тебя бить.

– Весомый аргумент, – серьезно кивнул Хартвиг, но я видел, что он все еще колеблется.

– Послушай, приятель, – сказал я ему. – Я слышал, что ты наворотил дел и привлек к себе ненужное внимание. Не знаю, что ты натворил, но теперь от тебя не отстанут. Ни Братство стражей, ни Орден Праведности. Думаю, через несколько дней присоединится и Церковь, узнав о нашем интересе. Так что выбор, с кем быть, у тебя небольшой.

– Предпочитаю оставаться одиночкой.

Один из двух оглушенных стражников тихо застонал.

– Не в этом мире. – Я протянул ему одежду монаха.

Хартвиг вздохнул и принял ее.

– От городских властей я ничего не жду. Они себя уже показали с «лучшей» стороны. Орден упечет меня в яму какого-нибудь спрятанного в горах замка. А церковники законопатят в монастырь, где охрана будет посерьезнее, чем у этих аскетов. Так что я предпочту стражей. Во всяком случае, пока у меня не появится возможность от вас отделаться.

– И чем ты будешь заниматься, когда убежишь? – поинтересовался я, делая для себя заметку внимательнее за парнем

приглядывать.

– Спасу этот мир от самого себя. Как тебе такое?

Я лишь усмехнулся.

Когда мы достигли центрального двора монастыря, здесь произошли кое-какие изменения. Я увидел их сразу, стоило мне выйти из-за угла кухни. Ворота были распахнуты настежь, и внутри монастырского двора торчали пятеро незнакомцев. Двое из них сидели в седлах, а трое беседовали с той парочкой монахов, что совсем недавно указали мне путь.

Я разумно шагнул назад, в тень, и Хартвиг чуть в меня не врезался.

– Кто это? – прошипел он мне на ухо.

– Так сразу не разберешь. Но в том, что они пришли за тобой, не возникает сомнений.

«Проклятье! Неужели монахи настолько продажные сволочи?» – спросил я у звезд на небе, но те и не думали отвечать.

Старикан во дворе между тем получил увесистый кошелек, гораздо более внушительный, чем тот, что дал мне Карл, и указал новоприбывшим дорогу. Грубо говоря, он ткнул пальцем прямо в меня, но, благодаря тому, что ночь была темная, мы остались невидимы. Не желая искушать судьбу, я развернулся и велел Хартвигу:

– Живо, за мной.

Мы обогнули угол кухни, пересекли крыльцо и ввалились в большой пустынный холл с погашенным очагом. Хартвиг

не стал прикрывать дверь, оставив небольшую щель, так что мы оба видели, как три вооруженные фигуры протопали по огороду в сторону часовни.

– Так кто они? – вновь спросил мой спутник.

– Повторяю. Мне это неизвестно. Я знаю лишь одно. Ждать от них чего-то хорошего – глупо.

– Что ты делаешь?

– Зажигаю фитили. Слушай внимательно, если начнется переполох, держись у меня за спиной.

Сжав в каждой руке по пистолету с тлеющими фитилями, я отправился в обратном направлении. Во дворе произошли очередные изменения – монахи лежали порубленными, а один из «гостей» как раз вытирал клинок, испачканный в крови привратника. Другой обыскивал труп старика, чтобы забрать кошель.

Смелые ребята, раз они решились совершить убийство в монастыре. И глупые, если считают, что князя Церкви так просто это оставят. Некоторых людей события, подобные истории Белой стены²⁰ ничему не учат.

Они увидели нас, когда мы подошли к колодцу. Я без всяких расшаркиваний вскинул руки и нажал на спусковые крючки. Фитили чиркнули в воздухе, пистолеты грохнули огнем и едким дымом. Одному пуля раздробила колено, дру-

²⁰ *Белая стена* – монастырь ордена валитов в Литавии, разоренный отрядом наемников во время Сорокалетней войны. Псы Господни устроили охоту за убийцами монахов и уничтожили их в течение следующих пяти лет.

гому попала чуть выше, в бедро. Я отбросил бесполезное оружие, достал кинжал, подошел к лошадям, перерезал подпруги, чтобы хоть как-то задержать возможную погоню, а затем склонился над одним из раненых.

Он стонал, зажимая руками простреленную ногу. Проверив его карманы, я забрал деньги, считая, что они будут нелишними, и показал спутнику добытый серебряный жетон:

– Знаешь, что это такое?

– Да, – кивнул он. – Орден Праведности такие носит.

Дорога перед монастырем расцвела грохотом и огнем. Находившийся там человек, как видно, торопился, поэтому пуля, вместо того, чтобы оторвать мне голову, прошла рядом. На пару секунд я ослеп от вспышки и едва не получил тяжелой аркебузой по лицу, но Хартвиг ловко подставил нападающему подножку. Тот упал, я ударил его ногой, схватил замешкавшегося помощника и потащил к лесу, где были спрятаны наши лошади.

– Доброе утро, Людвиг, – услышал я над ухом голос Проповедника.

Открыв глаза, я увидел его «светлый» лик на фоне сосен, залитых солнечными лучами.

– Ты нашел Пугало?

– Нашел. – Душа посмотрела по сторонам. – Оно где-то здесь. Наверное, опять ушло бродить по полям. Кстати гово-

ря, если тебе интересно, то твой спутник намеревается сбежать. Прямо сейчас.

Эти слова заставили меня подскочить и сбросить одеяло. Босиком я направился по влажной траве к лошадям, возле которых возился Хартвиг.

– Думаешь, сможешь удержать меня силой? – с вызовом спросил он.

– Думаю, что смогу, – миролюбиво ответил я ему. – Но не буду.

Мне показалось, он давно так не удивлялся. Даже про лошадей забыл.

– В смысле? – нахмурился беглец, подозревая подвох.

– Путь до Богежوما не близкий, и я не смогу денно и нощно не спускать с тебя глаз. Если ты захочешь убежать – значит, убежишь. Так что все мои потуги задержать тебя против твоей воли – бесполезны.

– В принципе его можно связать, – подсказал Проповедник.

– Какая злобная душа у тебя в друзьях! – еще сильнее нахмурился Хартвиг и заработал от Проповедника, действительно, недружелюбный взгляд:

– Чего мне с тобой быть добрым?! Он шеей рисковал, чтобы тебя вытащить, а ты убегаешь, словно неблагодарная свинья! Отказ от благодарности является грехом.

– Успокойся, – попросил я Проповедника, видя, как лицо человека краснеет не то от гнева, не то от смущения. – Хо-

чешь уезжать, Хартвиг, скатертью дорога. Я посижу здесь, в лесу, на травке, и дождусь, когда ты вернешься. Если за три часа не появишься, отправлюсь тебя спасать.

– Спасать? – озадаченно повторил тот.

– Хватит придуливаться, – попросил я, старательно скрывая раздражение. – Мы полночи неслись полями и огородами, а погоня дышала нам в спину. Если ты считаешь, что о тебе забыли, то глубоко заблуждаешься. Нас будут искать. На дорогах и в городах. Конечно, небольшая фора есть, потому что они не знают, в каком направлении мы движемся. Но это лишь до той поры, пока нас не увидят. Дальше в том, куда мы едем, не разберется только идиот. Исходя из всего вышесказанного, раз ты оказался такой нужной всем фигурой, тебя сцапают достаточно быстро. Или соглядатаи на дорогах, или возле городских ворот, или в какой-нибудь таверне.

– Ты преувеличиваешь, не так ли?

– Просто я знаю, как умеет охотиться Орден. Можешь мне поверить, они не любят выпускать добычу из зубов...

– Как и Братство стражей, – перебил меня Хартвиг, но я продолжил тем же ровным тоном:

– Ты заблуждаешься насчет Братства, потому что нас мало. Организовать грамотную облаву на большой территории не в наших силах. Стражи действуют в одиночку и лишь иногда парами. Но не Орден. У законников полно наемников и тех, кто у них в долгу, в том числе я говорю и о власти. Разумеется, не всегда и не везде. К примеру, здесь, в Фирвальде-

не, у особого закона в последнее время множество проблем, поэтому, скорее всего, им придется справляться своими силами.

– Каких проблем? – заинтересовался он.

– Сейчас это совершенно неважно. Но даже без поддержки солдат, курьерской почты и правительственных постоянных дворов они – серьезная угроза. Тебя найдут и загонят, как зайца. На этой многообещающей ноте позволь нам расстаться. Забирай лошадь и проваливай. Если тебе повезет, вернешься в ближайшее время. Если нет – вини только себя.

Я повернулся к нему спиной и потопал обратно к своей лежанке, уже зная, что он никуда не денется.

Так и случилось. Когда я обувался, он сел рядом:

– Как твое имя, страж?

– Людвиг.

– А его? – Хартвиг ткнул пальцем в Проповедника.

Я помедлил:

– Называй его Проповедником. Он не любит, когда к нему обращаются по его настоящему имени.

Старый пеликан поджал губы, но от комментариев воздержался.

– В чем выгода Братства? Зачем я им? – Хартвиг в упор посмотрел на меня.

– Ты ждешь честного ответа? – вопросом на вопрос ответил я. – Совершенно без понятия. До вчерашнего дня я не знал о твоём существовании и, думаю, ничего бы не потерял,

если бы не узнал. Может быть, ты мне поведаешь, какие тайны скрываешь, раз вызвал такой неожиданный ажиотаж среди совершенно разных людей?

Он, несмотря на мой крайне ироничный тон, внезапно опустил взгляд и закусил губу:

– Не думаю, что это так уж важно.

– Ну, только в том случае, если ты хочешь понять, зачем ты Братству, – невинно пожал я плечами. – Я всего лишь оказываю услугу коллеге, который не смог тебя сопровождать. Довезу до Богежома и сдам в руки тех, кто в курсе. Если тебе любопытно – лично у меня никакой выгоды нет, хотя ты меня заинтересовал.

– Да неужели? – Он глянул на лошадей, явно раздумывая, не отправиться ли ему в дорогу одному.

– Ты нужен Ордену, а я не слишком люблю Lex talionis, точнее, я его совсем не люблю и с огромной радостью не дам им заполучить тебя. Цеховые противоречия, знаешь ли.

– Скорее политика.

– Я страж. Политикой пусть занимаются магистры и те, кому это нравится.

Он рассмеялся:

– У меня создается такое впечатление, что ты живешь в несколько ином мире. Политикой занимаются все, хотят они этого или нет.

– А он тебя уел, – неожиданно влез в разговор Проповедник.

– Заткнись, – попросил я. – Возможно, ты и прав, Хартвиг. Хотя бы потому, что ты, судя по всему, увяз в этой политике, как в болоте. Так что тебе предстоит решить, и решить быстро, от кого принять помощь, иначе ты уйдешь в трясины с головой.

Он цокнул языком, посмотрел не на меня, а на Проповедника и глухо сказал:

– Все решено. Я уже говорил, что менять Братство на Орден, Церковь или княжескую милость не буду. Из двух зол, как говорится, выбирать приходится меньшее.

– Приятно слышать, – сказал я, вставая с земли. – Рад, что ты мыслишь позитивно и понимаешь – в одиночку тебе будет хуже, чем со мной. Пора в дорогу. Позавтракаем в седлах.

Мы ехали до полудня, через поля, на которых уже собрали рожь, под ясным, готовящимся к скорой осени небом и палящим солнцем. Проповедник восседал на крупе моей лошади, хотя не нуждался в подобном способе передвижения. Он все утро молчал, и его молчание выражало высочайшую степень неодобрения. Я подозревал, что все дело в этой авантюре, поэтому в какой-то момент не выдержал и произнес:

– Давай, мой друг. Скажи, что я неправ.

– Ты неправ, – тут же откликнулся он. – Карла ты выручал гораздо чаще, чем он тебя. Долгов на тебе нет.

– Это ты так считаешь. Впрочем, меня интересовало несколько иное. Что ты узнал о Хартвиге?

Последний тут же повернул голову в мою сторону и на-

прягся. Проповедник молчал так долго, что я уже начал думать, что он меня игнорирует. Но он все-таки ответил. Осторожно, словно ходил по тончайшему льду:

– Людвиг, я искренне считаю, что тебе некоторых вещей лучше не знать.

– Это почему же?! – тут же откликнулся Хартвиг.

– Он, знаешь ли, крайне совестливая натура, хотя на первый взгляд так не кажется, – откликнулся Проповедник. – Тут же пожалеет, что связался с тобой.

– Я ничего дурного не сделал!

– Болтай дальше, – попросил я старого пеликана.

Тот вздохнул и нехотя ответил:

– Твой спутник, Людвиг, до последнего месяца работал картографом при городском земельном совете. Но, как оказалось, у него есть маленькая слабость: по всем христианским законам он с чего-то решил, что за помощь ближнему своему ему воздастся.

– И в чем выражалась эта помощь? – Я посмотрел на Хартвига.

– Я умею снимать с людей темные грехи, – ответил тот.

– Свершилось чудо, – пробормотал я. – Очень большое преступление. Обычно прощением грехов занимаются исповедники.

– Ты не слушаешь, – поморщился тот. – Не прощение грехов, а полное снятие. Исповедники облегчают совесть, но не стирают с души темные пятна. А я это делаю. Что?

Он увидел, как мое лицо окаменело, а губы Проповедника скривились, словно ему предложили съесть какую-то падаль.

– И давно у тебя... такие способности? – мягко поинтересовался я.

– Я стал видеть души и уметь их исцелять на это Благовещение, после того как меня ударило молнией. – Он расстегнул ворот своей черной рубахи, и я увидел след от страшного ожога.

– Лучше бы она тебя убила, приятель, – посмотрел я на него с сочувствием.

– Даже не буду спрашивать, почему ты это сказал.

– А я все же отвечу. Ты представляешь угрозу для этого мира, и я не слишком понимаю, почему тебя не прикончили сразу.

– Его взяли люди маркграфа Валентина Красивого, – обмолвился Проповедник. – Ходят слухи, что его милость еще тот грешник, и сковородка в аду для него не только приготовлена, но смазана маслом и хорошенько подогрета. Как говорится, скворчит и ждет.

– Понимаю, – протянул я. – Его милость решил облегчить свою страдающую душу от пары-тройки грехов, чтобы его пропустили через райские врата. Что же. Очень разумно с его стороны позаботиться об этом, но крайне глупо выбрать исполнителей-идиотов, которые перепугались собственной тени настолько, что вытащили тебя из надежной камеры и перепрятали в монастырь.

– Что ты делаешь? – Хартвиг увидел, как я разворачиваю лошадь.

– Спасая твою шкуру. Забудь о Божежоме.

– А я ведь говорил, что тебе лучше не знать! – ехидно произнес Проповедник, обращаясь ко мне. – Ты разве не слышал, Хартвиг, что у Людвига есть столь интересное свойство души, как совесть? Он не собирается везти тебя на жертвенное заклание.

– Да почему, черт вас подери?! – вскричал тот.

Я направил лошадь к нему, подъехал практически вплотную и сказал:

– Потому что ты опасен. Для Братства, для Церкви, для всех, кто получает власть с помощью душ и чудес. Да о чем я с тобой разговариваю! Ты, как видно, полный идиот, не выдавший в своей жизни ничего, кроме карт Фирвальдена, раз решил рассказать людям о своих способностях!

Он не сопротивлялся и не спорил. Кажется, до Хартвига начало доходить, что ситуация гораздо более серьезная, чем ему представлялось. Он хмурился, молчал, но мне не перечил и с разговорами в дороге не лез, за что я был ему очень благодарен.

Нам пришлось выбраться на лесную дорогу, окруженную кленами, ветви которых были переплетены друг с другом, образуя тенистый купол, пропускавший через себя темно-зеленый свет. В другое время я обязательно полюбовался бы

подобным великолепием природы, но не теперь.

Я был достаточно зол, в первую очередь на себя, что поддался на уговоры Карла. Уверен, он в курсе всего, но утаил это от меня, иначе я бы и пальцем не пошевелил ради его авантюры. Теперь же есть три варианта – привезти Хартвига в Богежом и надеяться на милость магистров, а следовательно, собственноручно убить человека, который мне доверился, потому что милости перед такой угрозой от Братства не будет. Отпустить его на все четыре стороны и знать, что его поймают достаточно быстро и опять же убьют. Или же довести до границы княжества и рассчитывать, что дальше он сможет о себе позаботиться.

Я хотел поделиться своими размышлениями с Проповедником, но не успел. Впереди, на дикой лесной дороге, появились всадники. Они выезжали из-за поворота один за другим, неспешно, медленно и неумолимо, словно смерть, шествующая во время чумы от города к городу.

Наездники были удивлены встрече не меньше моего и не проявили никакой агрессии, просто чуть-чуть подогнали лошадей с явным желанием узнать, кто мы такие. Проповедник, как и я, увидел ало-золотые мундиры солдат маркграфа и помянул Сатану и весь сонм его многочисленных бесов.

– Что мне делать? – Хартвиг тоже достаточно быстро сообразил, чего ждать от этой встречи.

– Разворачивай! – гаркнул я.

Наши внезапные действия не укрылись от солдат. Подул

влажный, горячий ветер, и лошадь подо мной обмякла, словно из нее в одно мгновение вытащили все кости.

– Прочь! С дороги! Прочь! – крикнул я, неловко спрыгивая вниз.

Всадники уже неслись к нам со скоростью ветра. Проповедник молился и ругался одновременно, бормоча слова на корявой латыни. Плоть лошади таяла на глазах, я схватил арбалет, сумку с болтами и, словно ныряльщик за устрицами, головой вперед, прыгнул в придорожные кусты.

Спина удиравшего Хартвига то и дело мелькала между деревьями. Я припустил за ним, через густой, мешающий бегу подлесок, слыша, как на дороге раздаются крики и резкие команды.

На бегу я забросил арбалет за спину, догнал Хартвига, дернул его за плечо:

– Не туда. Вдоль дороги. Быстро!

Мы неслись через кустарник, мимо молодых кленов, уже зная, что преследователи рассредоточиваются по лесу. Затем я вновь изменил направление, двигаясь в самую чащу. Хартвиг, не привыкший к таким стремительным броскам по пересеченной местности, дышал тяжело, вытирал текущий со лба пот.

– Передохни минуту, – сжалился я, снял арбалет и начал крутить ворот.

Крики, приглушенные расстоянием, раздавались в противоположной стороне.

– Это ведь люди маркграфа.

– Верно, – сказал я, наблюдая за тем, как зубцы подтягивают тетиву. – Здесь недалеко замок Латка. Они, как видно, направлялись туда.

– Но теперь ищут нас.

– Угу. – Я положил болт в ложе, думая, куда подевался Проповедник. – Готов?

– Да. – Руки у него немного дрожали.

– Бежать не будем, но пойдем быстро. Как только устанешь, сразу скажи мне.

– А что случилось с твоей лошастью?

– Надо полагать, среди них оказался колдун, потому что на церковную магию это совсем не похоже.

– Колдун?! Но разве их не принято сжигать?

– Только тех, кто плохо себя ведет, не чтит церковных законов или не служит богатому покровителю. Вроде маркграфа Валентина. Маркграфство в княжестве все равно что государство в государстве, так что ему позволено иметь собственного... скажем так, волшебника. Все, двинулись.

Троп не было, идти приходилось «как повезет», и достаточно быстро кленовый лес превратился в смешанный. Гораздо более густой, влажный и темный. Меж корней текли узкие ручьи, по берегам которых росли густые папоротники. Голоса преследователей окончательно затихли, но я не обольщался.

С ними колдун. А для нас этот факт означает лишь одно –

большие неприятности. Поэтому я сохранял осторожность, жалея, что на влажной земле прекрасно видны наши следы. Хартвиг зазевался, споткнулся о выступающий корень, с грохотом хлопнулся в ручей, подняв в воздух кучу брызг.

Ругаясь, встал, весь мокрый и грязный. Я смотрел на зеленую безмятежную стену за своей спиной.

– Нам повезло, что у них не было с собой собак. – Хартвиг отжимал стянутую через голову рубаху.

Я не стал с ним спорить. Он и так слишком нервничал.

Еще минут через двадцать мы оказались среди замшелых деревьев с грубой, потрескавшейся корой, хвощей, ежевичных кустов и тенистых полян. На одной из таких, заросшей ядовитыми грибами и бледно-голубыми незабудками проплешины я сел меж бугристых, похожих на руки великана, корней, пристроил арбалет на колени. Хартвиг повалился рядом, отдуваясь и смешно шмыгая носом.

– Ты знаешь куда идти, Людвиг?

– Вон там замок Латка, значит – в этом направлении Тринский тракт, а там, если я все правильно понимаю, течет Грейн. Надо перебраться на другую сторону реки, так мы окажемся на землях, не принадлежащих маркграфу.

Я заметил, как сойка с бледно-голубыми полосками на крыльях сорвалась с ветки дальней осины, и взял Хартвига за плечо:

– Тихо. Они здесь.

Он быстро кивнул и вжался в развилку между стволами,

надеясь таким образом спрятаться. Как и я, Хартвиг вглядывался в заросли и слушал лесные шорохи. Наконец я увидел, как между двумя старыми кленами мелькнуло красно-золотое одеяние.

Первый из преследователей, в лихом черном берете, положил на плечо аркебузу, покрутил головой. До него от меня было шагов сорок. Его товарищ что-то негромко сказал и пошел прочь, в противоположную от нас сторону. Я видел, как аркебузер поправил сбившуюся перевязь. Стоит ему всего лишь повернуть голову в нашу сторону – и игра в прятки закончится.

Я несколько раз глубоко вздохнул, поднял арбалет, прицелился в ярко-красную полосу на его груди, очень надеясь, что мне не придется стрелять. Хартвиг рядом со мной втянул в себя воздух, потому что солдат маркграфа обернулся и посмотрел мне прямо в глаза. В то же мгновение мой напряженный палец нажал на крючок, освобождающий тетиву.

Болт вжикнул и по самые летки вошел в шею человека, пробив ему гортань. Тот упал в густой хвощ, и я не сомневался в итоге своего попадания.

– О черт! – пораженно сказал Хартвиг. – Ты его убил!

Я, не слушая картографа, напряг мышцы, взводя арбалет. У меня это получилось, я даже успел зарядить его, когда совершенно неожиданно появился приятель убитого, выскочив оттуда, откуда я совсем не ждал. Я развернулся целясь в него, но он вскинул руку, и мой арбалет завязался узлом,

превратившись в бесформенное нечто. Человек прыгнул, замахиваясь на меня раскрытой, горячей бирюзой ладонью, за которой в воздухе оставался огненный шлейф, а я в ответ швырнул ему в лицо сломанное оружие.

Он этого не ожидал, не смог закрыться от удара и грохнулся на землю с разбитыми губами и распоротой щекой. Упал сильно, но попытался встать, чтобы швырнуть что-то в меня, однако Хартвиг, подскочив ближе, саданул его ногой в живот, и я, оказавшись рядом, прижал коленом плечо противника к земле, а затем приставил кинжал к его адамову яблоку:

– Даже не думай, колдун!

Он ожег меня взглядом и расслабил мышцы, показывая мне открытые ладони. По его лицу и губам текла кровь, щека опухала, но в целом он был в порядке, если не считать некоторой потрепанности.

– Я тебя знаю, – сказал он. – Ты страж и сопровождал Гертруду на балу летнего солнцестояния полтора года назад.

– Я тоже тебя помню. Поэтому ты еще жив, – негромко ответил я ему.

– Да славится твоя память в веках, – произнес он. – Глупо было нападать на людей маркграфа. Такое он не простит. Даже стражу.

– Об этом у меня голова как раз не болит. – Я был напряжен, он видел это и поэтому не совершал никаких магических глупостей. Понимал, что даже если и наложит на меня

какое-нибудь проклятие, кинжал под моим весом все равно успеет войти в его шею, как в мягкое масло.

– Не глупи, – осторожно сказал колдун, чувствуя на натянувшейся коже опасное острие. – Нам нужен только твой спутник, и с ним будут хорошо обращаться. А ты можешь идти на все четыре стороны. Я замолвлю за тебя словечко перед его милостью.

– Что скажешь, Хартвиг? – спросил я, прекрасно зная ответ.

– Спасибо, но как-то не хочется.

Колдун не успел заметить, как кинжал исчез от его шеи, и я взял ее в сложный удушающий «замок». Он дернулся, забил ногами.

– Пожалуйста, не сопротивляйся, – попросил я, еще сильнее сжимая руки.

Он ожег меня яростным взглядом, затем его глаза задержались поволокой, и колдун потерял сознание. На всякий случай я подержал его еще несколько секунд и только после этого отпустил.

– Он жив? – с тревогой спросил Хартвиг.

– Разумеется. Не собираюсь убивать без нужды. Особенно колдуна, иначе все сообщество ведьм на меня взъестся. Он полежит какое-то время, как раз достаточное для того, чтобы мы ушли отсюда.

Придорожный трактир «Ездовая корова» с огромной вы-

веской, изображавшей очень довольную жизнь пегую буренку под рыцарским седлом позапрошлого века, стоял в некотором отдалении от деревни, у большого капустного поля и совсем рядом с берегом широкого, медленно текущего Грейна.

Из постояльцев в нижнем зале находились два купца с цепями Лавендузского союза. Оба важные, в дорогой одежде из лучшего сигизского бархата, с многочисленными перстнями на пальцах. Их слуги и охрана остались на улице, рядом с телегами, а господа неспешно поглощали каплунов и дорогое ветецкое вино из личных запасов трактирщика.

Еще одним, ставшим на постой, был господин в приметных красных чулках странствующего маэстро фехтования. Я не видел застежки на его поясе, так что ничего не мог сказать о том, к какой школе он принадлежит, но, судя по берету с шашечками, она находилась в Южном Огерландере. Рядом с мастером, возвышаясь над столом, торчала рукоять двуручного меча с необычайно сложной гардой.

Кроме постояльцев были и просто посетители, в основном местные, пришедшие из деревни. Ремесленники и крестьяне – всего пятнадцать человек – пили пиво, не обращая на нас никакого внимания.

Мы решили остановиться здесь на ночлег. Хартвиг, отказавшись от еды, ушел в комнату, я же сидел за столом, решая, что делать дальше и где добыть лошадей. Когда в трактире появился Проповедник, я ничуть не удивился:

– Ты никогда не можешь потеряться насовсем, – вместо приветствия сказал я ему.

– Я заблудился, как овца потерянная,²¹ – процитировал он. – Ты бегаешь так быстро, что за тобой не успеть.

– Скажи уж честно, что ты терпеть не можешь стычек и драк.

– В отличие от Пугала, я не кровожаден, – заявил Проповедник, усаживаясь напротив. – Кстати говоря, оно пришло со мной, сейчас сидит в курятнике. Мне кажется, несушки со страху забыли, что такое нести яйца. Хотел с тобой поговорить. Не то чтобы я волновался... Грубо говоря, мне плевать на твои поступки, но ты слишком рискуешь. Магистры могут разозлиться.

– Магистры в любом случае разозлятся, – не согласился я с ним. – Это их обычное состояние.

– Ты нарушаешь приказ.

– Ты ведь знаешь, что я не могу поступить иначе. Везти Хартвига, словно овцу на закла...

Я не договорил, потому что предмет нашего разговора спустился в зал, подошел к стойке, взял две кружки с пивом и направился к столу.

– Его жизнь стоит таких неприятностей?

Я посмотрел Проповеднику в глаза, сказал негромко:

– Любая жизнь стоит неприятностей. Особенно, если из-за тебя она может прерваться.

²¹ Псалтирь. 118:176.

– Надо поговорить. – Хартвиг поставил передо мной одну из кружек. – Если не в Богежом, то куда мы едем? Я помню местность, сам составлял карты, это другое направление, земли При под боком. И почему ты вдруг поменял решение?

– Если говорить о первом вопросе, то сейчас наша цель как раз При. До него всего три дня пути. Это морское государство не любит Фирвальден почти так же, как его не любит Лезерберг. Старые территориальные споры, еще со времен Крестовых походов на хагжитов, сыграют нам на руку. Я доведу тебя до границы, а ты уже самостоятельно доберешься до Пулу. Там, в порту, сядешь на первый же корабль и уплывешь. Если поступишь по уму – когда прибудешь на место, сядешь на еще один, который будет плыть еще дальше. А там тебе придется затеряться и сидеть тихо, точно мышка.

– Уплыть? Покинуть княжество? Ты с ума сошел?! У меня здесь семья!

– Жена? Дети? Родители?

– Нет. Дядюшка.

– Думаю, ему не очень приятно будет хоронить племянника. Давай я тебе очень доступно объясню, какой ты дурак. О, я верю, что у тебя есть способности. Не сомневайся. Если бы их не было, никто бы за тобой так не бегал. Скольких ты успел избавить от грехов, прежде чем тебя сцапали?

– Ну, двоих, – нахмурился Хартвиг.

– Не так уж и плохо.

– Но слишком мало. Людей с мраком в сердцах очень мно-

го. Я хочу спасти как можно больше.

– Думаешь, за твои заслуги Папа подарит тебе свои алые башмаки, а ангелы проводят в рай с трубами и пением? – ехидно спросил я.

– Было бы неплохо, – нагло ответил он.

Я стал серьезным и, наклонившись к нему, сказал:

– Не будет ангелов, Хартвиг. И папских башмаков. И людской благодарности тоже. Последняя – гораздо большая редкость, чем первое и второе. И мир тебе не спасти.

– Отчего же? – Он отхлебнул пива, посмотрев на меня из-за кружки. – Если я пойму, как управлять моим даром и как этому можно научить других людей...

– Придурок, прости господи, – обреченно вздохнул Проповедник, слушавший наш разговор. – Или опасный идеалист, что, впрочем, одно и то же. Послушай Людвига, сиди, как мышка. И тогда, возможно, ты проживешь достаточно долго для того, чтобы увидеть райские кущи.

– Он хочет сказать, что как только ты начнешь применять свой дар – сразу быстро умрешь, – пояснил я. – Ты умеешь очищать души. Понимаешь это?

– Конечно, – с достоинством ответил он. – Но можно подумать, я такой первый.

– Нет, не первый, – усмехнулся я, не чувствуя никакой радости. – Был еще один человек. Кажется, его звали Иисусом. Хартвиг поперхнулся пивом и закашлялся.

– Честное слово, я не могу понять, почему ты не видишь

всей опасности твоей ситуации, – устало сказал я. – Ты умеешь делать то, что не делает никто другой. Картограф Хартвиг, по сути дела, является гарантированным пропуском в рай. Как ты думаешь, сколько власть имущих вцепятся из-за тебя друг другу в глотки? Каждый хочет оказаться в райских кущах, а не в чистилище. И он ради этого пойдет на все, на любые преступления, потому что ты снимешь пятна с его души за эти поступки. Ты станешь очень ценным приобретением. Тебя запрут в золотой клетке, а может, в каменном мешке, и будешь спасать не мир, а одного князя, или герцога, или короля, или кардинала. Представь себе, князя Церкви рвутся попасть в рай не меньше простолюдинов, и у некоторых за душой достаточно много грехов, чтобы опасаться будущего. Даже наместник бога на земле не снимает пятна, а всего лишь отпускает грехи.

– Пока я слышу только о клетке, но не о смерти, – напомнил мне Хартвиг.

– Изволь услышать и о ней. Есть люди, которые убьют тебя за твои способности. Кто-то из зависти, кто-то из страха, кто-то из религиозного рвения, а кто-то из личной выгоды. Потому что ты представляешь угрозу. Для Церкви, к примеру. Они вряд ли готовы к тому, чтобы появился новый Сын Божий.

– Я не Сын Божий, – возразил он.

– Что с того? Найдутся люди, которые сделают тебя им. Поставят под свое знамя, повернут против Святой курии. В

мире полно еретических учений. А если с ними будет Христос, способный на такие чудеса, не значит ли это, что правда на их стороне?

Хартвиг прикусил губу, задумался.

– Скажи, какому клирику понравится, что ты делаешь то, что не умеют они? Из-за еретических государств Церковь теряет стабильную власть, ты – тот, кто может пошатнуть ее еще сильнее, а потому солдаты Христовы постараются уничтожить тебя. Монахи из ордена святого Каликвия занимаются этим с зари христианства, и я бы не рискнул вставать на их пути. А если ты попадешь в руки Ордена Праведности, они вытрясут из тебя все, что ты знаешь, в надежде на то, что твоими способностями, действительно, можно научиться. Ну и потом закопают тебя в каком-нибудь безымянном овраге, чтобы ты не научил еще кого-нибудь.

– А Братство? Что сделают стражи?

Я вздохнул, оперся локтями о стол, поглядел по сторонам, но никто не интересовался нашей беседой.

– Братство, мой друг, убьет тебя довольно быстро и без всяких колебаний. Мне кажется, ты жив лишь потому, что они не уверены, не научил ли ты еще кого-то тому, что умеешь сам. Когда магистры убедятся, что ты такой – единственный и уникальный, – ты умрешь. Видишь ли, для многих из нас ты представляешь весьма серьезную опасность. Темные души остаются в этом мире лишь потому, что боятся ада. Грязные и злые, измененные, они живут среди людей, и та-

кие, как я, охотятся на них и уничтожают. Ты же – хочешь очистить людей, из которых появляются объекты моей охоты.

– Разве это плохо, избавить мир от темных чудовищ?

– Хорошо. В твоём понимании. Но вот только стражи останутся без работы. Потому что если появятся те, кто чистит пятна, и их будет много, Братство станет историей. Никто из нас этого не хочет.

– Речь ведь идет не о том, что я берусь за чужую работу, – сказал Хартвиг, и взгляд его стал пристальным и понимающим. – Я знаю, *что* стражи получают, уничтожая души. От этого тяжело отказаться.

– Я бы сказал, невозможно, – тихо ответил я ему. – Именно поэтому тебя убьют. Чтобы не отказываться, и чтобы ты не попал в руки нашим врагам – Ордену, который бы обратил твои умения против нас. Твоя жизнь висит на волоске. Как только мой друг Карл поймет, что в Богежоме нас ждать не стоит, магистры перестанут выжидать.

Хартвиг провел пальцем по краю кружки:

– Но ты, несмотря на все сказанное, меня спасаешь.

– Пытаюсь спасти.

– Это неважно.

Я переглянулся с Проповедником и сказал:

– Я тоже идеалист. Мне претит мысль, что я везу тебя на заклание, ибо мне не нравится библейская история про отца, решившего отдать своего сына в жертву Богу. Есть в

этом что-то противоестественное тому, чему учит Всевышний. Что до угрозы от тебя – на мой век душ хватит. Если ты и изменишь мир, то очень нескоро. Стражи не всегда справляются с темными сущностями, потому что их слишком много, и поэтому люди гибнут. Я не вижу беды, если всем станет чуточку легче, и они перестанут бояться тех, кто живет рядом с нами.

– А что Братство?

– Я скажу, что ты сбежал. Несколько наивно, но пусть они попробуют проверить.

– Тебе так просто этого не спустят, – скривился Проповедник.

Я знал это, но не хотел обсуждать. Ни к чему. И так каждому понятно, что я идиот, рискующий всем ради незнакомого человека. Впрочем, у меня была в этом своя цель – я искренне верил, что живой Хартвиг для будущего гораздо важнее, чем мертвый. А тот, кто так не считает, пусть посмотрит на останки людей после того, как на них напала одна из темных душ.

Лично я хотел бы надеяться, что в будущем темных сущностей среди нас не будет.

Лошадей удалось купить только за Вертенштайном, после того как мы полдня топали на своих двоих. Мечтать о такой роскоши, как дилижанс, не приходилось.

Мне не понравился человек, крутившийся недалеко от

нас, пока я торговался с продавцом. Поймав мой взгляд, незнакомец поспешно растворился в толпе. Оставалось лишь гадать, кто это был – карманник, которого я спугнул, или соглядатай. В любом случае я решил не искушать судьбу и свернул на дикие лесные дороги, подальше от основных трактов. В одной из таких рощ Хартвиг и познакомился с Пугалом.

Оно неподвижно стояло возле рябины, надвинув соломенную шляпу на глаза, и казалось форменным разбойником, поджидающим одинокого путника. Увидев его, мой спутник чуть не свалился с лошади.

– Господи, что это?! – вскричал он. – Ты его видишь, Людвиг?!

– Вижу. Знакомься, это Пугало. Оно иногда путешествует со мной.

Оно выдержало мой взгляд. Я удовлетворенно вздохнул – никаких жертв во время своего отсутствия страшилище не нашло. Оно соблюдало наши негласные договоренности.

– Оно темное. Чернее ночи. Там, внутри, – сказал Хартвиг.

– Никогда не встречался с одушевленными? – негромко спросил я.

– Одушевленный? Он? Не знал, что они так же, как души, могут быть невидимы для обычных людей.

– У некоторых одушевленных есть такая способность, – подтвердил я, глядя, как Пугало вышло на дорогу и попле-

лось следом за нашими лошадьми. — Если, конечно, у них достаточно сил для этого. Тогда они могут покидать предмет, в котором зародились, и гулять где пожелают. Но время от времени им следует возвращаться в свою оболочку, чтобы отдохнуть. Так что иногда Пугало отправляется на свое ненавистное ржаное поле.

— Всегда хотел узнать, как в предмете зарождается душа.

— Никто не знает. Теологи, ученые, клирики и профессора просвещенных университетов спорят до сих пор. В Библии об этом ни слова, но, как ты знаешь, Святое Писание трактуют кто во что горазд. — Я с намеком посмотрел на Проповедника. Он любитель исказить содержимое молитв и библейских цитат. — Иногда предметы становятся одушевленными, и их сущность либо светла, либо темна. В большинстве своем им нет дела до людей, но порой случаются и исключения. Как с Пугалом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.